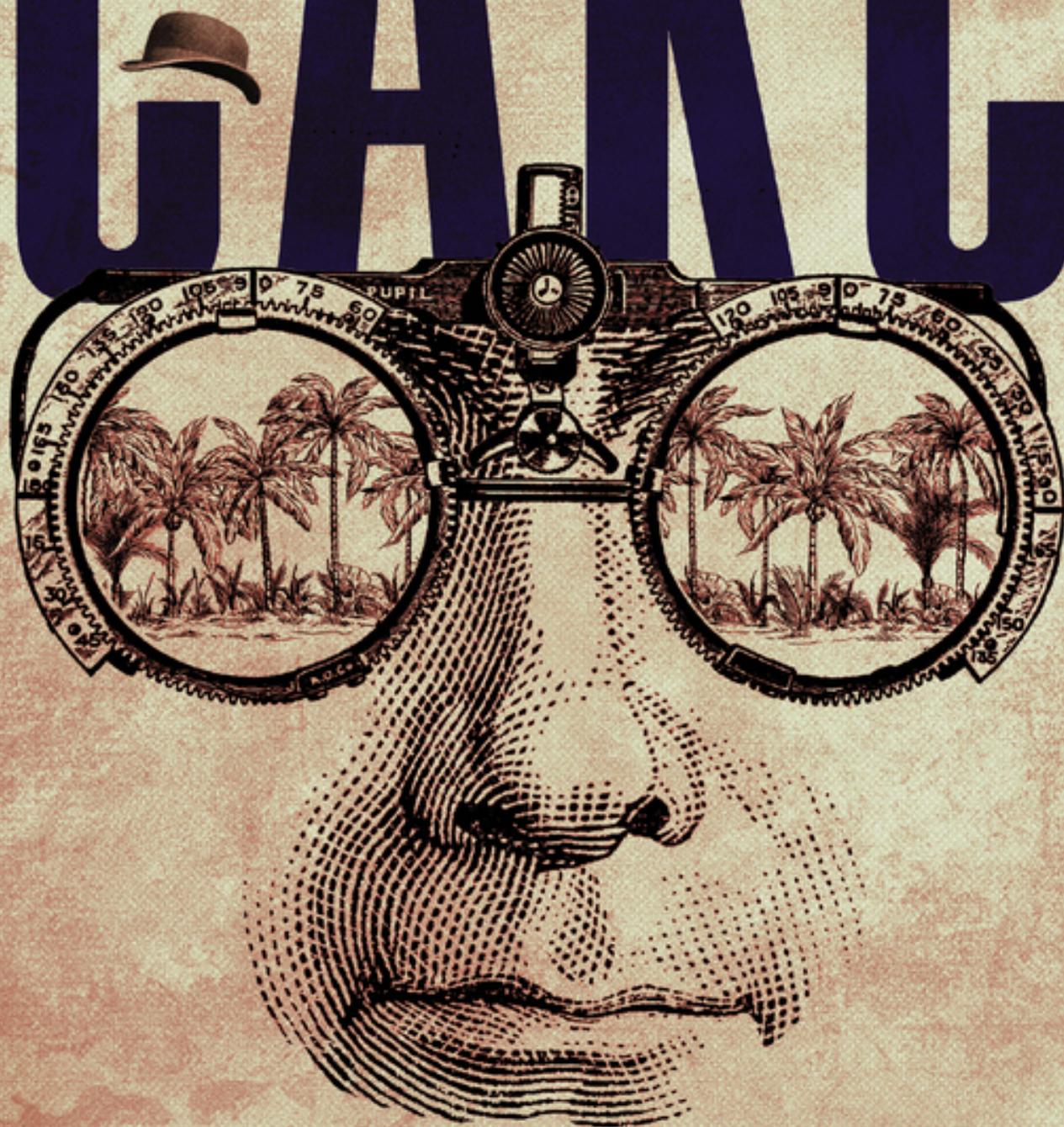

ОЛИВЕР

САКС

ОСТРОВ
ДАЛЬТОНИКОВ

Шляпа Оливера Сакса

Оливер Сакс

Остров дальтоникиков

«АСТ»

1996

УДК 159.9
ББК 88.4

Сакс О.

Остров дальтоники / О. Сакс — «АСТ», 1996 — (Шляпа Оливера Сакса)

ISBN 978-5-17-091420-3

Всем известно, что большинство животных не различает цветов. Но у животных дальтонизм успешно компенсируется обостренным слухом, обонянием и другими органами чувств. А каково человеку жить в мире, лишенном красок? Жить — будто в рамках черно-белого фильма, не имея возможности оценить во всей полноте красоту окружающего мира — багряный закат, бирюзовое море, поля золотой пшеницы? В своей работе «Остров дальтоники» Оливер Сакс с присущим ему сочетанием научной серьезности и занимательного стиля отличного беллетриста рассказывает о путешествии на экзотические острова Микронезии, где вот уже много веков живут люди, страдающие наследственным дальтонизмом. Каким предстает перед ними наш мир? Влияет ли эта особенность на их эмоции, воображение, способ мышления? Чем они компенсируют отсутствие цвета? И, наконец, с чем связано черно-белое зрение островитян и можно ли им помочь?

УДК 159.9
ББК 88.4

ISBN 978-5-17-091420-3

© Сакс О., 1996

© ACT, 1996

Содержание

Предисловие	7
Книга I	10
С острова на остров	10
Пингелап	23
Понпеи	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Оливер Сакс Остров дальтоников

Серия «Шляпа Оливера Сакса»

Oliver Sacks

THE ISLAND OF THE COLORBLIND

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Я. Паламарчук*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Предисловие

Эта книга состоит из двух независимых повествований, описывающих два моих путешествия в Микронезию. Посещения островов было кратким и неожиданным; у этих путешествий не было ни определенной цели, ни программы; я не собирался ничего доказывать и хотел только наблюдать. Однако впечатления, полученные на островах, пусть хаотичные и бессистемные, отличались богатством и насыщенностью и были на удивление многообразными.

Я отправился в Микронезию как невролог или, скажем точнее, нейроантрополог, чтобы увидеть, как индивиды и целые сообщества приспосабливаются к редким эндемическим заболеваниям – наследственной полной цветовой слепоте на островах Пингелап и Понпеи, а также прогрессирующему нейродегенеративному заболеванию на островах Гуам и Рота. Однако в то же время я был захвачен культурой и повседневной жизнью этих островов, их историей, уникальной флорой и фауной и своеобразным геологическим происхождением. Осмотры больных, посещение археологических раскопок, походы в чащи тропических лесов, плавание с маской между рифами – все эти занятия, казавшиеся вначале не связанными между собой эпизодами, слились в конечном итоге в одно нераздельное ощущение, полное погружение в островную жизнь.

Но, возможно, только по возвращении домой пережитый опыт был по-настоящему осмыслен и прочувствован, и только после этого у меня возникло желание взяться за перо. Литературная работа нескольких последних месяцев позволила мне снова мысленно посетить тихоокеанские острова, вспомнить связанные с ними переживания и картины. Но поскольку память – если верить Эдельману – является не просто записью и воспроизведением, а активным процессом классификации, реконструкции и воображения, определяемым и направляемым нашими ценностями и взглядами, постольку я, вспоминая, можно сказать, по-новому увидел свое путешествие – и это был очень личный, уникальный и даже, пожалуй, эксцентричный взгляд, порожденный в какой-то мере моей давней любовью к островам и растениям.

С самого нежного возраста я испытывал жгучий интерес к животным и растениям. Эту биофилию воспитали во мне сначала мама и тетя, а потом поддерживали любимые учителя и школьные товарищи, разделявшие со мной эту страсть – Эрик Корн, Джонатан Миллер и Дик Линденбаум. Вооружившись ботанизирками, мы собирали растения; на рассвете мы часто устраивали «охоту» на пресноводные водоросли, а каждую весну уезжали на две недели в Миллпорт, изучать биологию моря. Мы откапывали редкие книги и делились ими друг с другом. Мою любимую книгу, «Ботанику» Страсбургера (смотрю на форзац), я получил в подарок от Джонатана в 1948 году; великое множество книг подарил мне Рик, уже тогда ставший ненасытным библиофилом. Мы провели сотни часов в зоопарке Кью-Гарденса и в местном музее естественной истории – там мы воображали себя натуралистами и путешествовали по экзотическим островам, не покидая Ридженс-парк, Кью-Гарденс и Кенсингтон.

Много лет спустя, в одном из своих писем, Джонатан вспоминал нашу тогдашнюю страсть и ее, в какой-то степени, викторианский характер. «Я испытываю настоящую ностальгию по тому, окрашенному сепией, времени, – писал он. – Мне очень жаль, что люди и предметы, окружающие меня теперь, окрашены в разнообразные яркие цвета. Иногда мне страстно хочется, чтобы все вокруг вдруг утратило многоцветность и окрасилось в зернистую монохромность 1876 года».

Эрик часто выказывал те же чувства, и, вероятно, именно поэтому, помимо написания книг, занимается их коллекционированием, покупкой и продажей. Это сочетается у него с

глубоким знанием дарвинизма, а также истории биологии и вообще естественных наук. В душе мы все были натуралистами Викторианской эпохи.

Начав описывать посещение Микронезии, я вновь обратился к моим старым книгам, старым интересам и страсти сорокалетней давности, соединив их со страстью к медицине. Кстати говоря, ботаника и медицина не столь уж и далеки друг от друга. Я с восторгом узнал недавно, что отец британской неврологии Уильям Ричард Говерс написал в свое время небольшую монографию о мхах. МакДоналд Кричли в своей биографии Говерса пишет, что он «у постели больного проявлял себя подлинным натуралистом, рассматривая неврологические страдания, как флору тропических джунглей...».

Работая над книгой, я был вынужден вторгаться в незнакомые мне области знания, и в этом мне помогли многие люди, особенно жители Микронезии – Гуама, Роты, Пингелапа и Понпеи, – пациенты, ученые, врачи, ботаники, с которыми я познакомился во время путешествия. Я также благодарен Кнуту Нордбю, Джону Стилу и Бобу Вассерману, сопровождавшим меня в поездке. Среди тех, кто встретился мне на островах Тихого океана, выражаю особую признательность Лилле Крейг, Грегу Диверу, Делиде Айзек, Мэю Окахиро, Биллу Пеку, Филу Роберто, Джулии Стил, Альме ван дер Вельде и Марджори Уайтинг. Благодарен я также Марку Футтерману, Джейн Хёрд, Кэтрин де Лаура, Айрин Момени, Джону Моллону, Бритт Нордбю, семье Шварц и Ирвину Зигелю за обсуждение проблем цветовой слепоты и природы Пингелапа. Отдельное спасибо я должен сказать Фрэнсис Футтерман, которая познакомила меня с Кнутом и снабдила бесценными советами по подбору солнцезащитных очков для путешествия, не говоря уже о том, что она поделилась своими ощущениями как человек, страдающий цветовой слепотой.

Я также многим обязан специалистам, сыгравшим заметную роль в изучении гуамской болезни: Сью Дэниел, Ральфу Гарруто, Карлону Гайдусеку, Асао Хирано, Леонарду Курланду, Эндрю Лису, Доналду Мулдеру, Питеру Спенсеру, Берту Видерхольту, Гарри Циммерману. Помогали мне и многие другие, включая моих друзей и коллег – Кевина Кэхилла (который вылечил меня от амебиаза, которым я заразился на островах), Элизабет Чейз, Джона Клея, Аллена Фербека, Стивена Джея Голда, Г. Холланда, Изабель Рэйпин, Гей Сакса, Херба Шаумбурга, Ральфа Зигеля, Патрика Стюарта и Поля Теро.

Мое посещение Микронезии было обогащено членами группы, снимавшей в то же время – в 1994 году – документальный фильм об островах (многие наши общие переживания нашли отражение в фильме, несмотря на трудности съемок). Эмма Кричтон-Миллер провела необходимые исследования островов и поработала с их населением, а Крис Роулэнс блестяще руководил съемками, постановкой и монтажом фильма. Вся съемочная группа – Крис и Эмма, Дэвид Баркер, Грег Бейли, Софи Гардинер и Робин Пробин оживляли нашу экспедицию, внесли в нее дух незабываемого товарищества и стали моими друзьями, с которыми мне довелось пережить множество волнующих приключений.

Я также благодарен людям, помогавшим мне в написании и публикации книги, в частности, Николасу Блейку, Сюзанне Глюк, Джекки Грэхем, Шелли Хаган, Кэролу Харви, Клодин О'Хирн, Хизер Шредер и особенно Хуану Мартинесу, который умело направлял весь сложный процесс редактирования и издания.

Книга была написана, что называется, на едином дыхании в июле 1995 года. Однако после она начала буквально разбухать, как необузданная цикада, обрастая дополнениями и примечаниями, превышавшими в несколько раз первоначальный объем. Для того чтобы сохранить непрерывность и связность исходного текста, мне пришлось собрать все дополнения и ссылки в конце книги в виде примечаний. Мне едва ли удалось бы справиться со всеми сложностями, связанными с решением вопросов о том, что оставить в тексте, а что перене-

сти в примечания и как скомпоновать книгу, без помощи моего редактора Дэна Фрэнка и незаменимой Кейт Эдгар.

Особую признательность я выражаю Тобиасу Пиккеру за его версию «Энкантадас» Германа Мелвилла. Соединение музыки Пиккера, текста Мелвилла и голоса Гилгуда произвели на меня волнующий и таинственный эффект, и каждый раз, когда мне изменяла память, прослушивание спектакля, подобно прустовскому мнемоническому средству, снова возвращало меня на Марианские или Каролинские острова.

Я выражаю сердечную благодарность Тому Миренде и Моби Уэйнстайну, Линн Ролерсон и Агнес Райнхарт из Микронезии, Чаку Хаббачу из Ботанического сада тропических растений Фэйрчайлда в Майами, а также Джону Миккелу и Деннису Стивенсону из Нью-Йоркского ботанического сада за сведения о папоротниках и саговниках, которыми они от души со мной поделились. И, наконец, я бесконечно признателен за терпение, проявленное при чтении рукописи, Стивену Джею Гулду и Эрику Корну. Именно Эрику, моему лучшему и самому старому другу, я и посвящаю эту книгу.

Нью-Йорк, август 1996 года. О.В.С.

Постскриптум

В новом издании я не стал менять основной текст, но расширил некоторые примечания и добавил несколько новых. Кроме того, я привел несколько новых ссылок. Многие из этих дополнений были предложены читателями, и я с удовольствием выражаю свою благодарность Гасу Агирре, А. Бейзе, Дирку Энтони Баллендорфу, Марку Дункану, Марку Флоренсу, Стивену Джеймсу, Леонии Моллой, Роббину Морану, Карлу Тейлору и Грейму Томпсону. Выражаю мою признательность и благодарность также Джину Эшби и Джеймсу Симмонсу, чьи книги о Тихом океане стали неиссякаемым источником вдохновения как для меня, так и для многих других.

О.В.С., Нью-Йорк, июль 1997 года.

Книга I

Остров дальтоников

С острова на остров

Острова всегда очаровывали меня – вероятно, по той же причине, по какой они очаровывают всех остальных людей. Первым моим летним путешествием – мне было тогда три года – стало путешествие на остров Уайт. В памяти сохранились лишь разрозненные фрагменты этой поездки – крутые склоны из разноцветного песчаника, сбегавшие к волшебному морю, которое я увидел впервые. Меня уже тогда околдовали его спокойствие, мелкая зыбь и тепло. Но меня пугала суровость того же моря, когда поднимался ветер, а небо заволакивали тучи. Отец рассказывал, что однажды, еще до моего рождения, выиграл заплыв вокруг острова Уайт. С тех пор я смотрел на отца с обожанием, как на сверхчеловека и героя.

В детстве я очень рано познакомился с рассказами о морях, кораблях и мореплавателях – мама рассказывала мне о капитане Куке, Магеллане, Тасмане, Дампире, Бугенвиле и об открытых ими островах и народах, местоположение которых показывала мне на глобусе. Острова казались мне особыми местами, отдаленными и таинственными, привлекательными и одновременно устрашающими. Помню, как пугали меня картинки в детской энциклопедии, на которых были изображены огромные безглазые статуи острова Пасхи, обращенные лицами к морю. Я читал страшную историю о том, как островитяне утратили способность выходить в море и остались на острове, отрезанные от остального человечества, обреченные на прозябание и одиночество¹.

Я читал истории об изгнанниках, о необитаемых островах, об островах-тюрьмах и островах проклятых. Я обожал «Затерянный мир» Конан Дойла – живой рассказ о затерянном на просторах Южной Америки плато, населенном динозаврами и другими тварями юрского периода – по сути, об острове, изолированном в море времени. Я знал эту книгу едва ли не наизусть и мечтал (когда вырасту) стать вторым профессором Челленджером.

Я был очень впечатлительным мальчиком, и воображение других людей легко воспламеняло мое собственное. Особенно преуспел в этом Герберт Джордж Уэллс. Любой необитаемый остров тотчас становился для меня «Островом Эпиорниса», а в кошмарах представлялся «Островом доктора Моро». Позже, когда я начал читать Германа Мелвилла и Роберта Льюиса Стивенсона, реальность и фантастика неразрывно сплелись в моей голове. На самом ли деле существовали Маркизские острова? Были ли приключения, описанные в «Ому» и «Типи», реальными? Особые сомнения – до знакомства с Дарвином – я испытывал по поводу Галапагосских островов, о которых знал исключительно из книги Мелвилла «Энкантадас, или Очарованные острова».

Позже беллетристику вытеснили научные книги – «Путешествие на корабле “Бигль”» Дарвина, «Малайский архипелаг» Уоллеса, «Картины природы» Александра Гумбольдта (особенно потрясло меня его описание драконового дерева, которому было шесть тысяч лет, на острове Тенерифе). Отныне моя страсть к романтике, мифам и таинственности подчинилась научному любопытству².

Все дело в том, что острова – это, если можно так выразиться, экспериментальная площадка природы, места благословенные или проклятые – из-за своей географической изоляции. Они богаты уникальными формами жизни – руконожками, потто, лори и лемурами Мадагаскара, огромными черепахами Галапагосских островов, гигантскими нелетающими птицами Новой Зеландии. Все эти виды и роды животных пошли особыми эволюционными

путями в своих островных изолятах³. Я испытал необычное удовольствие от одной фразы в дневниках Дарвина, написанной после того, как великий естествоиспытатель увидел в Австралии кенгуру. Это животное настолько поразило его воображение своей необычной организацией, что он задал себе вопрос: не являются ли сумчатые результатом второго Творения?⁴

В детстве я страдал частыми приступами мигрени, и во время ауры видел не только классические осцилляции и искажения в поле зрения, но и на короткое время терял способность к цветовому зрению. Эта временная цветовая слепота сильно меня пугала, но одновременно и притягивала. Мне было интересно понять, каково это – жить в мире, начисто лишенном красок. Прошло много лет, прежде чем я получил ответ на этот вопрос – ответ, по крайней мере, частичный. Я познакомился с одним пациентом, Джонатаном И., художником, который стал страдать цветовой слепотой после дорожной аварии (и, возможно, в результате случившегося тогда инсульта). Утрата цветового зрения возникла не в результате травмы глаз, а в результате повреждения определенного участка мозга, отвечающего за ощущение цвета. В самом деле, казалось, что он не только потерял способность ощущать цвета, но не мог даже вообразить их себе. Они никогда не являлись ему и в сновидениях. Тем не менее, подобно людям, страдающим амнезией, Джонатан сознавал, что утратил способность ощущать цвет; после того как он всю жизнь жил в полихроматическом мире, Джонатан, как он сам говорил, вдруг оказался в обедненном, гротескном и аномальном мире – его искусство, пища и даже жена казались ему «свинцовыми». Однако этот человек не смог удовлетворить мое любопытство относительно того, что означает для человека врожденное отсутствие способности к цветовым ощущениям, как он воспринимает мир, который никогда в жизни не видел в цвете.

Обычно цветовая слепота, возникающая из-за поражений сетчатки, бывает частичной. Некоторые формы ее, например неспособность различать красный и зеленый цвета, встречается у каждого двадцатого мужчины (женщины страдают дальтонизмом значительно реже). Однако тотальная цветовая слепота, или ахроматопсия, встречается исключительно редко, поражая в общей популяции одного человека из тридцати-сорока тысяч. Мне было интересно узнать, как воспринимают мир те, кто родился без способности воспринимать мир во всех его красках. Возможно ли, что эти люди, не страдающие от мыслей об утрате, ощущают мир столь же ярко и живо, как и люди с нормальным цветовым зрением? Не развилась ли у них способность обостренно воспринимать тональности серого цвета, текстуру предметов, движение и глубину, не представляется ли им окружающая их реальность более утонченной и возвышенной – как на работах выдающихся мастеров черно-белой фотографии? Может быть, они смотрят на нас как на людей, отвлеченных тривиальной суетностью пестрого мира, страдающих недостатком восприятия истинно сущностных реалий мира? Я мог лишь гадать, так как ни разу не встречал людей с врожденной полной цветовой слепотой.

Мне казалось, что многие рассказы Герберта Уэллса, какими бы фантастическими они ни представлялись, можно считать метафорами определенных неврологических и психологических реальностей. Один из самых любимых моих рассказов такого рода – «Страна слепых». Сюжет рассказа таков: заблудившийся путешественник, странствующий по Южной Америке, попадает в изолированную, затерянную в просторах континента, долину. Его поражает причудливая окраска домов одного поселения. Путешественнику приходит в голову, что люди, построившие такие дома, вероятно, слепы, как летучие мыши. Вскоре он выясняет, что так оно и есть на самом деле – он наткнулся на поселение, где живет сообщество слепых. Путешественник узнает, что слепота явилась следствием болезни, которой жители переболели триста лет назад, и с течением времени из их сознания испарилось само понятие о зрении.

«Жители поселения были слепы на протяжении четырнадцати поколений, и в течение всего этого времени они были наглухо изолированы от мира зрячих; все названия видимых предметов исчезли или видоизменились. Образные представления увяли вместе с их глазами, и они развили у себя новое воображение, основанное на обострившемся слухе и осязании».

Путешественник Уэллса поначалу относится к обитателям поселения со снисходительной жалостью, считая их несчастными созданиями и безнадежными инвалидами, но вскоре мнение его меняется на противоположное. Он понимает, что это его считают слабоумным и жалким, жертвой галлюцинаций, производимых докучными подвижными органами лица (которые воспринимаются местными как источник всяческих заблуждений и иллюзий). Путешественник влюбляется в местную девушку, хочет жениться на ней и навсегда остаться в поселении. Старейшины, после долгих раздумий, соглашаются, но ставят условие: тот должен согласиться на удаление раздражающих и лишних органов – глаз.

Через сорок лет после того, как я прочитал этот рассказ, я познакомился с другой книгой, книгой Норы Эллен Грос о глухоте на острове Виноградник Марты. Некий капитан и его брат из Кента поселились здесь в девяностые годы семнадцатого века. Оба брата имели вполне нормальный слух, но являлись носителями рецессивного гена глухоты. Со временем, благодаря изолированному положению Виноградника Марты и близкородственным бракам, ген глухоты поразил большинство населения, и к середине девятнадцатого века более четверти детей на острове ежегодно рождались полностью глухими.

Слышащие люди острова подверглись не дискриминации, а ассимиляции; в этой визуальной культуре все члены общины – как глухие, так и слышащие – пользовались для общения языком жестов. Они переговаривались на этом языке (который имел ряд преимуществ перед акустическим языком, так как с его помощью можно было общаться на большом расстоянии – например, находясь на разных рыболовных судах, а также болтать и сплетничать в церкви), обсуждали насущные проблемы, учили детей, думали на языке жестов и видели на нем сны. Виноградник Марты – остров, где все говорили на языке жестов, был настоящей страной глухих. Александр Грэхем Белл, посетивший остров в семидесятые годы девятнадцатого века, задавал себе вопрос: не может ли этот остров стать прибежищем для «глухой расы рода человеческого», которая затем распространилась бы отсюда по всей планете?

Зная, что врожденная ахроматопсия, так же как и упомянутая форма глухоты, является наследственной, я невольно спрашивал себя: нет ли на нашей планете острова, деревни или долины, населенной людьми, страдающими полной цветовой слепотой?

В 1993 году, будучи на Гуаме, я, повинувшись какому-то безотчетному импульсу, задал этот вопрос моему другу Джону Стиллу, ведущему неврологу Микронезии. Неожиданно для себя, я немедленно получил утвердительный ответ: такой изолят на самом деле существует, ответил Джон, и находится он на острове Пингелап. Это сравнительно недалеко, «всего в тысяче двухстах милях от Гуама», добавил Стилл. Буквально за несколько дней до нашего разговора доктор Стилл осматривал на Гуаме одного мальчика, страдавшего ахроматопсией, который приехал на Гуам с родителями с Пингелапа. «Это удивительно, – сказал по этому поводу Стилл. – Классическая врожденная ахроматопсия с нистагмом и боязнью яркого света. Частота заболевания на Пингелапе чрезвычайно высока. Поражено больше десяти процентов населения». Я был страшно заинтригован словами Джона и решил, что когда-нибудь вернусь в Южные моря и посету остров Пингелап.

Вернувшись в Нью-Йорк, я занялся повседневными делами, и мысль о Пингелапе отошла на второй план. Однако несколько месяцев спустя я получил длинное письмо от Фрэн-

сис Футтерман из Беркли. Эта женщина страдала тотальной цветовой слепотой. Она прочитала мое эссе о пораженном цветовой слепотой художнике и решила провести сравнение. В письме Фрэнсис сообщала, что никогда в жизни не ощущала цвет, и потому ей чуждо чувство потери, у нее нет осознания своей ущербности. При этом Футтерман писала, что ахроматопсия – нечто большее, чем просто цветная слепота. Самым неприятным в этом заболевании были повышенная чувствительность к свету – светобоязнь – и снижение остроты зрения. Эти поражения всегда сопровождают врожденную ахроматопсию. Фрэнсис выросла в солнечном Техасе, днем ей приходилось постоянно щуриться, и поэтому она предпочитала выходить из дома лишь с наступлением темноты. Фрэнсис заинтересовалась моим упоминанием об «острове цветовой слепоты». Она не знала, что такой остров находится в Тихом океане. Может быть, это фантазия, миф, греза, порожденная одинокими ахроматопами? Однако, поведала мне Фрэнсис, она читала о другом острове, упомянутом в одной книге об ахроматопсии, – маленьком островке Фур, расположенном в каком-то Ютландском фьорде. На этом острове проживает множество людей, страдающих врожденной ахроматопсией. Фрэнсис поинтересовалась, знаю ли я об этой книге, которая называется «Ночное зрение», и добавила, что одним из издателей книги является человек, страдающий ахроматопсией, – норвежский ученый Кнут Нордбю. Возможно, Нордбю сможет рассказать мне больше.

Я был потрясен до глубины души – за короткое время я узнал не об одном, а о целых двух островах, населенных ахроматопами. Мне, естественно, захотелось узнать больше. Оказалось, что Кнут Нордбю был по специальности психолог и психофизик, исследователь зрения из университета Осло. В силу своего заболевания он был специалистом и по цветовой слепоте. Уникальное и очень важное сочетание личного и научного знания. В короткой автобиографии Нордбю, включенной в «Ночное зрение», я уловил теплоту и открытость и, набравшись смелости, написал ему в Норвегию. «Мне очень хочется познакомиться с Вами, – написал я, – и, кроме того, мне хотелось бы посетить остров Фур и, в идеале, сделать это вместе с вами».

Подчинившись какому-то непонятному импульсу, я отправил такое письмо совершенно незнакомому человеку, но, к своему удивлению и радости, буквально через несколько дней пришел ответ из Норвегии. «Я с радостью присоединюсь к Вам на пару дней в такой поездке», – написал Нордбю, но добавил, что, поскольку последние исследования среди населения острова проводились в сороковые и пятидесятые годы, он хочет иметь о нем более свежую информацию. Через месяц я получил от Нордбю еще одно письмо:

«Я только что беседовал с одним известным датским специалистом по ахроматопсии, и он сказал, что на Фуре не осталось ни одного человека, страдающего ахроматопсией. Все люди, описанные в книге, либо умерли, либо покинули остров. Очень жаль, что мне пришлось разочаровать Вас, так как мне и самому хотелось отправиться с Вами на Фур, чтобы познакомиться с оставшимися там ахроматопами».

Несмотря на сильное разочарование, я все же не оставил мысль о путешествии. Я надеялся найти там какие-нибудь странные остатки, обнаружить духов, сохранившихся на Фуре от живших там прежде ахроматопов, странно окрашенные дома, черно-белую растительность, рисунки, документы и воспоминания тех, кто некогда жил на острове с людьми, пораженными цветовой слепотой. Однако оставался Пингелап; меня уверили, что там живет еще множество таких людей. Я снова написал Кнута и спросил, не согласится ли он вместе со мной отправиться за десять тысяч миль в своеобразное научное путешествие на Пингелап, и Кнут согласился, сообщив, что в августе у него будет для этого пара-тройка свободных недель.

Страдающие цветовой слепотой люди жили на Фуре и Пингелапе в течение столетия или больше, и, несмотря на то что и там, и там проводились обширные генетические иссле-

дования, никто не занимался гуманистическим (по примеру Герберта Уэллса) изучением вопроса о том, каково это – быть ахроматопом в ахроматопическом окружении, то есть не только самому быть абсолютно невосприимчивым к цвету, но и иметь таких же родителей, бабушек, дедушек и учителей; иными словами, проживать в культуре, в которой отсутствует само понятие о цвете, но вместо этого развиваются другие формы восприятия, компенсирующие данный недостаток. Мною овладели поистине фантастические видения – я предвкушал встречу с ахроматической культурой, отличающейся особыми вкусами, искусством, способами приготовления пищи и одеждой, культурой, где ощущения и воображение принимают формы, совершенно отличные от наших, где никто не употребляет слово или понятие «цвет», где они просто-напросто лишены всякого смысла, где не пользуются наименованиями цветов и не прибегают к цветовым метафорам, но где в языке существуют понятия для определения тончайших оттенков и тональностей текстуры того, что мы воспринимаем как безликую «серость».

Я с большим воодушевлением принялся готовиться к поездке на Пингелап. Первым делом я позвонил своему старому другу Эрику Корну – писателю, зоологу и торговцу антикварными книгами – и спросил, известно ли ему что-нибудь о Пингелапе и Каролинских островах. Через пару недель я получил бандероль с небольшой, переплетенной в кожу книгой, озаглавленной: *A Residence of Eleven Years in New Holland and the Caroline Islands, being the Adventures of James F. O'Connell*. Книга, опубликованная в Бостоне в 1836 году, была сильно потрепанной (я надеялся, что она тоже побывала в Южных морях). Во время своего путешествия из Маккуоритауна (Тасмания) О'Коннелл посетил множество мелких островов в Тихом океане, но в конце концов его корабль «Джон Буль» потерпел крушение у одного из Каролинских островов, у архипелага, который он называет Бонаби. Описания тамошней жизни, сделанные О'Коннеллом, привели меня в восторг – нам предстояло посетить самые отдаленные и наименее исследованные острова в мире, острова, которые, вероятно, мало изменились со времен О'Коннелла.

Я спросил моего друга и коллегу Роберта Вассермана, не согласится ли и он присоединиться к экспедиции. Боб – офтальмолог и в своей практике часто сталкивается с людьми, страдающими частичной цветовой слепотой. Так же как и я, он никогда не видел больных, пораженных тотальной врожденной цветовой слепотой, но нам довелось вместе работать с пациентами, страдавшими расстройствами зрения, включая художника с приобретенной ахроматопсией, мистера И. В шестидесятые годы мы, молодые в то время врачи, вместе обучались неврологии, и я помню, как он рассказывал мне о своем четырехлетнем сыне Эрике. Однажды они ехали на машине по штату Мэн, и мальчик вдруг воскликнул: «Папа, посмотри, какая красивая оранжевая трава!» Боб возразил, что трава не оранжевая, оранжевые – апельсины, и Эрик в ответ радостно закричал, что трава такая же оранжевая, как и апельсины. В тот момент Боб понял, что его сын, вероятно, страдает нарушением цветового зрения. Позже Эрик, которому тогда было шесть лет, нарисовал картину «Грохот серых камней». Для изображения камней мальчик пользовался розовой краской.

Боб, как я и ожидал, был очарован перспективой знакомства с Кнудом и путешествия на остров Пингелап. Боб – увлеченный любитель виндсерфинга и хождения под парусом; у него страсть к океанам и островам, он знаток устройства тихоокеанских аутригеров и малайских проа. Он как ребенок радовался своему скорому личному знакомству с этими лодками и возможности поплавать на них. Вместе с Кнудом мы составили бы превосходную команду для экспедиции – неврологической, научной и романтической – на Каролинский архипелаг и остров дальтоники.

Мы встретились на Гавайях. Боб чувствовал себя как дома в своих пурпурных шортах и яркой гавайской рубашке. Кнут, напротив, ощущал себя не вполне комфортно из-за

яркого солнца Вайкики. Поверх обычных очков он надел еще две пары солнцезащитных устройств: пару пристегивающихся поляризованных стекол и охватывающий голову козырек из темного стекла – такое «забрало» обычно носят страдающие катарактой больные. Но даже несмотря на это, Кнут постоянно щурился, и под темными стеклами можно было заметить, что его глаза все время совершают судорожные движения, именуемые «нистагм». Кнут испытал большое облегчение, когда мы зашли в уютное (и, на мой взгляд, слишком тускло освещенное) кафе в одной из боковых улочек, где Кнут наконец смог снять солнцезащитные приспособления, перестав щуриться и часто моргать. В кафе было так темно, что я не сразу адаптировался к скудному освещению и даже опрокинул стул, но Кнут, который уже приспособился к темноте благодаря двойным темным очкам и обладанию хорошим ночным зрением, уверенно повел нас к свободному столику.

В сетчатке глаз Кнута, так же как и у других людей, страдающих ахроматопсией, отсутствуют колбочки (либо они не функционируют). Колбочки – это клетки, которые у здоровых людей заполняют центральную ямку – углубление, находящееся в центральной части сетчатки. Этот участок специализируется на восприятии мелких деталей изображения и его цвета. Кнут, однако, вынужден полагаться на действие палочек, которые, как и у всех остальных людей, рассеяны по периферическим участкам сетчатой оболочки. Несмотря на то, что эти светочувствительные клетки не способны различать цвета, они в большей степени восприимчивы к интенсивности светового излучения. Мы все пользуемся палочками в условиях скудного освещения или в условиях скотопического зрения (например, когда идем по ночной дороге). Способность Кнута видеть обеспечивается одними только палочками. Правда, в отсутствие колбочек, палочки быстро истощаются на ярком свете и становятся совершенно бесполезными. Дневной свет в буквальном смысле слова ослепляет Кнута – он теряет способность видеть, поле зрения суживается практически до полного исчезновения, если не прикрывать глаза от яркого света.

При отсутствии центральной ямки, заполненной колбочками, зрение Кнута составляет приблизительно одну десятую от нормы. Когда принесли меню, Кнуту, для того чтобы его прочитать, потребовалось четырехкратное увеличительное стекло, а для ознакомления со «специальным предложением», написанным мелом на доске, Кнуту пришлось воспользоваться чем-то вроде миниатюрного телескопа с восьмикратным увеличением. Без этих приспособлений Кнут не способен читать мелкий или отдаленный текст. Кнут всегда носит с собой увеличительное стекло и монокуляр: так же как солнцезащитные очки и козырек, они помогают ему нормально видеть. Без центральной ямки Кнут не может целенаправленно фиксировать взгляд на каком-либо предмете – отсюда эти судорожные движения глаз, нистагм.

Кнут вынужден защищать свои зрительные палочки от перегрузки и в то же время, когда ему надо рассмотреть что-то в деталях, прибегает к увеличительным стеклам или рассматривает предмет, близко склоняясь к нему. Вероятно, Кнут – осознанно или подсознательно – выработал множество других способов видения мира и извлекает информацию о нем на основе визуальных признаков, отличных от цвета. Нам с самого начала стало ясно, что, в отличие от нас, он обостренно воспринимает форму и текстуру предметов, их движение и глубину пространства.

Кнут – точно так же, как мы, – видит всю красоту окружающего мира. Он, например, пришел в восторг от вида живописного рынка на одной из улиц Гонолулу. Его восхищают пальмы и другая буйная тропическая растительность, причудливые формы облаков. Кнут – большой ценитель человеческой красоты. (Он рассказал, что оставил в Норвегии красавицу жену, тоже психолога; однако только после свадьбы, когда один из друзей в шутку заметил, что Кнут равнодушен к рыжим, он понял, что у жены великолепная копна рыжих волос.)

Кнут увлекается черно-белой фотографией. Стараясь объяснить свое восприятие, он сказал, что его зрение напоминает ортохроматическое фотографическое изображение, хотя и отличается большим богатством в различении оттенков серого цвета. «Вы называете эти оттенки серыми, хотя это слово имеет для меня не больше смысла, чем слова «синий» или «красный», – сказал он нам, добавив: – Я не ощущаю мир «бесцветным» и не чувствую его неполным». Кнут, никогда не ощущавший цвета, ни в малейшей степени не испытывает в нем недостатка. К своему зрению он относится абсолютно позитивно и воспринимает все богатство, красоту и осмысленность мира, пользуясь тем, что у него есть⁵.

Мы вернулись в отель, чтобы отдохнуть перед завтрашним перелетом, когда начало быстро темнеть. Возшла почти полная луна и, казалось, повисла в небе, словно запутавшись в ветвях пальм. Кнут стоял под деревом и внимательно разглядывал луну в монокуляр, видя на ней моря и кратеры. Затем он опустил монокуляр и начал рассматривать звезды.

– Я вижу тысячи звезд! – воскликнул он. – Вижу целую Галактику!

– Это невозможно! – решительно заявил Боб. – Звезды видны под очень маленьким углом, а у вас слишком низкая острота зрения.

Кнут ответил тем, что начал показывать и называть созвездия, часть которых имела несколько иную конфигурацию, чем на его родном норвежском небе. Сам Кнут объяснял возможность видеть звезды нистагмом, так как эти движения глаз «размазывали» изображение предметов, делая их больше. Возможно, конечно, что причина была иная. Кнут согласился, что трудно объяснить этот феномен, но факт оставался фактом – он прекрасно видел даже мелкие звезды.

– Оказывается, и в нистагме есть что-то хорошее, да? – пошутил Боб⁶.

На рассвете мы вернулись в аэропорт и поднялись на борт «Айленд-Хоппера», чтобы совершить длительный перелет к тихоокеанским островам. Самолеты этой компании совершают такие рейсы дважды в неделю. Боб, сильно страдавший от разницы во времени, забился на свое место и тотчас уснул. Кнут, уже надевший свою солнцезащитную амуницию, раскрыл нашу «библию» – «Путеводитель по Микронезии» – книгу с блестящим описанием ожидавших нас островов. Делать мне было нечего, и я решил вести дневник полета.

«Прошел час с четвертью, как мы летим над бескрайним простором Тихого океана на высоте около десяти тысяч метров. Не видно ни кораблей, ни самолетов, ни суши, ни границ. Не видно ничего, кроме безграничной синевы неба и океана, эта синева сливается, стирая грань между небом и водой, образуя исполинскую синюю чашу. Эта безликая и безоблачная бездна навеивает покой и благоговение, но, подобно сенсорной депривации, вызывает и страх. Бесконечность пугает. Кант называл это «ужасающим совершенством».

Пролетев почти тысячу миль, мы наконец увидели землю – на горизонте показался крошечный изящный атолл. Острова Джонстон! Когда я видел эту точку на карте, я думал: «Какое идиллическое место, заброшенное за тысячи миль от цивилизации!» Когда самолет начал снижаться, я понял, что место это никак нельзя было назвать изысканным: гигантская взлетно-посадочная полоса пересекала остров надвое; по обе стороны от нее стояли коробки складских зданий, дымили трубы, высились какие-то башни без окон. Все это было окутано какой-то оранжево-красной дымкой... Идиллический рай был куда больше похож на ад.

Посадка оказалась жесткой. Сначала раздался громкий скрежещущий звук, затем визг резины, а потом самолет развернуло боком на полосе. Когда машина застыла на месте, пилот объяснил, что при посадке заклинило тормоза и с колес сорвало резину. Теперь придется ждать, пока не сменят колеса. Слегка встревоженные посадкой и уставшие от долгого одно-

образия полета, мы обрадовались возможности выйти из самолета и немного размяться. К самолету подкатили трап, на котором было написано: «Добро пожаловать на Джонстон!» По трапу спустились двое пассажиров, но когда мы приблизились к выходу, нам сказали, что атолл является запретной зоной и штатским запрещено на нем высаживаться. Расстроенный, я вернулся на свое место и на время одолжил у Кнута «Путеводитель по Микронезии», чтобы почитать об атолле.

Назван он был, как я узнал из книги, неким Джонстоном, капитаном английского военного судна «Корнуоллис», высадившимся здесь в 1807 году. Джонстон стал первым человеком, ступившим на этот крошечный заброшенный островок. Наверное, о нем просто никто не знал раньше, а возможно, его и посещали, но никто там не поселился.

Остров Джонстон считался весьма ценной территорией из-за богатых запасов гуано, и в 1856 году свои претензии на него заявили Соединенные Штаты и королевство Гавайи. На атолле останавливаются стаи мигрирующих птиц. Их численность временами достигала нескольких сотен тысяч. В 1926 году остров был объявлен заповедником федерального значения. После Второй мировой войны здесь была построена военно-воздушная база США, и «с тех пор, – прочел я, – американские военные превратили этот некогда идиллический атолл в самое отравленное место в Тихом океане». В пятидесятые и шестидесятые годы атолл использовали как полигон для ядерных испытаний, и полигон, хотя он и был законсервирован, до сих пор остается на месте. В одном конце атолла сохраняется повышенная радиоактивность. Одно время здесь хотели устроить полигон для испытаний биологического оружия, но военные вовремя сообразили, что мигрирующие птицы могут разнести смертельные инфекции по всему миру. В 1971 году атолл Джонстон стал местом хранения тысяч тонн иприта и нервно-паралитических газов. Их периодически сжигают, и при этом выделяются диоксин и фуран (может быть, это и была причина дымки, которую я видел с самолета). Люди, живущие и работающие на острове, обязаны все время носить с собой противогаз. Читая все это в невероятной духоте самолета – вентиляцию отключили, как только мы приземлились, – я чувствовал першение в горле и тяжесть в груди, опасаясь, что это следствие вдыхания отравленного воздуха. Теперь надпись на трапе «Добро пожаловать на Джонстон» казалась мне мрачной издевкой. Следовало бы добавить к приветствию изображение черепа со скрещенными костями! Мне казалось, что члены экипажа испытывают те же чувства и ждут не дождутся момента, когда можно будет лететь дальше.

Однако команда ремонтников продолжала без видимого успеха возиться с поврежденными колесами. Люди были одеты в алюминированные серебристые комбинезоны, вероятно, предохранявшие кожу от контакта с токсическими веществами. На Гавайях мы слышали, что к Джонстону приближается ураган. Это не имело бы никакого значения, если бы мы укладывались в расписание, но теперь была опасность, что из-за задержки ураган застигнет нас на Джонстоне и устроит фейерверк мщения, подняв в воздух ядовитые отходы и радиоактивную пыль. До конца недели – согласно расписанию – ни один рейс не приземлится на Джонстоне. Сидя в самолете, мы узнали, что в декабре один рейс был задержан точно так же, как наш, и пассажирам пришлось встречать на ядовитом атолле Рождество!

Ремонтная бригада работала уже два часа, но ничего не смогла поделать с поврежденными шинами. Наконец, бросив на небо несколько тревожных взглядов, пилот решил взлететь с оставшимися невредимыми колесами. При разбеге самолет трясло и швыряло из стороны в сторону. Плоскости болтались в воздухе, словно крылья гигантского пернатого, пытающегося взлететь, и в самом конце взлетно-посадочной полосы пилоту это удалось. Мы взмыли к сияющим эмпиреям, покинув отравленный атолл.

До следующей посадки нам предстояло пролететь еще полторы тысячи миль до атолла Маджуро, расположенного в архипелаге Маршалловых островов. Полет казался несконча-

емым. Мы потеряли всякое представление о времени и пространстве, периодически погружаясь в тяжкое забытие. Вдруг меня разбудил неожиданный провал в воздушную яму; потом я снова задремал, и мы продолжали лететь и лететь до тех пор, пока я не очнулся от давления в ушах. Посмотрев в иллюминатор, я увидел, что мы снижаемся в направлении атолла Маджуро, возвышавшегося на какие-то десять футов над волнами океана. Лагуну окружали десятки мелких островков. Некоторые выглядели пустынными и гостеприимными. Их берега были обрамлены полосой кокосовых пальм – классический вид тропического атолла из туристического путеводителя. Аэропорт находился на одном из таких островков.

Зная, что у нашего самолета повреждены два колеса, мы ожидали посадки с некоторой опаской. Она и в самом деле оказалась жесткой – нас основательно закружило на полосе, и было решено остаться на Маджуро для полноценного ремонта. Ремонт мог занять два часа. После долгого заточения в самолете (мы пролетели не меньше трех тысяч миль от Гавайев) нас буквально вынесло на летное поле.

Кнут, Боб и я первым делом зашли в лавку аэропорта – там продавали сувенирные бусы и половички, сделанные из нанизанных крошечных раковин. Кроме того, в магазинчике я, к полному моему восторгу, обнаружил почтовую открытку с портретом Дарвина⁷.

Пока Боб обследовал пляж, мы с Кнутом прошли в конец взлетно-посадочной полосы и через низкую ограду принялись осматривать лагуну. Море здесь было голубым с бирюзовым оттенком, за рифом – лазурным, а дальше цвет становился темнее, почти достигая цвета индиго на расстоянии нескольких сотен ярдов от атолла. Не подумав, я стал выражать свой восторг бесконечными оттенками синего цвета, но потом опомнился и смущенно умолк. Однако Кнут, хотя и не способен воспринимать цвета, является весьма эрудированным человеком в этом вопросе. Его всегда интриговало обилие слов, которыми люди обозначают оттенки разных цветов. На этот раз он заинтересовался словом «лазурный». («Лазурный – это небесно-голубой?») Кнуту было интересно, является ли для меня цвет индиго отдельным спектральным цветом – седьмым – ни синим, ни фиолетовым, а промежуточным. «Многие, – добавил он, – не считают индиго отдельным цветом, но зато отличают голубой от синего». Не зная ничего о цвете по собственному опыту, Кнут тем не менее накопил гигантский «мысленный» каталог, целый архив научных сведений о цвете мира. Кнут нашел отенок рифа весьма необычным. «Он отсвечивает металлическим блеском, – сказал Кнут, – очень ярким, как свечение вольфрамовой нити лампы накаливания». Говоря это, Кнут показал мне дюжину крабов, которые бросились при нашем появлении в разные стороны с такой быстротой, что я едва смог их разглядеть. Кнут, как и я, считал, что его обостренная способность к восприятию движений была своеобразной компенсацией отсутствия цветового зрения.

Потом я некоторое время побродил с Бобом по пляжу с его мелким белым песком и кокосовыми пальмами. Там и сям росли хлебные деревья, виднелись клочки травянистого растения зойсии. Рос здесь и какой-то неизвестный мне суккулент. В прибрежной воде плавали куски дерева вместе с картонными и пластиковыми коробками – отбросами жизни города Делап-Улига-Даррит (Маджуро) – столицы Маршалловых островов, где в жутких трущобах ютятся двадцать тысяч человек. Даже здесь, в шести милях от города, вода была мутной, кораллы тусклыми, и виднелось огромное количество морских огурцов – животных, питающихся городскими отходами. В отсутствие тени жара была просто невыносимой, и мы решили, что подальше от берега вода, возможно, будет чище. Мы разделись и осторожно пошли по острым кораллам до места, достаточно глубокого, чтобы плыть. Вода была теплой как парное молоко, и постепенно из наших мышц стала уходить скованность, накопившаяся за время полета. Но нам не суждено было долго наслаждаться плаванием, которое доставляет истинное удовольствие в тропических лагунах. Со стороны самолета раздался крик: «Мы скоро взлетаем, поторопитесь!» Нам пришлось в темпе выбираться из воды и натягивать

одежду на мокрые тела. Добежав до самолета, мы увидели, что механики заменили лишь одно колесо. Второе было так сильно погнуто, что его было трудно снять, и механики продолжили работу. Зря мы бежали. Нам пришлось просидеть в стоявшем на летном поле самолете еще битый час. Все было напрасно, второе колесо не поддавалось усилиям механиков, и мы снова взлетели, трясясь как на ухабах. Лететь на этот раз было недалеко – в Кваджалейн.

В Маджуро сошли многие пассажиры, но вместо них на борт поднялись другие. Теперь я сидел рядом с приветливой женщиной, медсестрой военного госпиталя в Кваджалейне. Ее муж служил на радиолокационной станции. Моя соседка нарисовала не слишком идиллическую картину жизни на острове с самой большой в мире лагуной. Эта лагуна, поведала мне женщина, является мишенью для пусков ракет с военно-воздушной базы США на Гавайях и материке. Здесь же испытывают и ракеты-перехватчики противоракетной обороны. Эти ракеты запускают с Кваджалейна, они бьют по первым ракетам на подлете. По ночам иногда небо вспыхивает, словно охваченное огнем, и слышен грохот от взрывов и столкновений в воздухе ракет, обломки которых потом падают в лагуну. «Это страшно, – сказала женщина. – Напоминает ночное небо Багдада».

Радиолокационная станция в Кваджалейне – часть радарного барьера в Тихом океане. «Там царит атмосфера застывшей секретности и страха», – говорила женщина, и это несмотря на то, что «холодная война» осталась в прошлом. Доступ на остров ограничен. В СМИ нет открытых обсуждений, потому что все они контролируются военными властями. Внешне люди строят из себя крутых парней, но под этой маской – деморализация и подавленность. На острове самый высокий в мире уровень самоубийств. Власти знают об этом и всячески стараются сделать Кваджалейн местом, пригодным для сносной жизни, – строят бассейны, поля для гольфа, теннисные корты и бог знает что еще, – но все напрасно, жизнь по-прежнему остается невыносимой. Конечно, гражданские лица могут покинуть Кваджалейн в любой момент, когда им заблагорассудится, а сроки службы военных на острове были значительно сокращены. На острове больше всех страдают местные жители, согнанные на остров Эбейе и фактически запертые там. Эбейе находится всего в трех милях от Кваджалейна. Там проживают пятнадцать тысяч рабочих с семьями, и это при том, что длина острова одна миля, а ширина двести ярдов, то есть площадь – всего одна десятая квадратной мили. Эти люди приезжают сюда на работу – ее вообще немного на островах Тихого океана, – но это не спасает их от скученности, болезней и нищеты. «Если хотите увидеть ад, – сказала в заключение соседка, – отправляйтесь на Эбейе»⁸.

Я видел фотографии Эбейе – поверхность острова была почти не видна, поскольку каждый квадратный дюйм был покрыт жалкими хижинами, сложенными из картонных коробок, – и надеялся, что нам удастся познакомиться с ним поближе, но там нас не выпустили из самолета. Власти не желают показывать заезжим визитерам, что на самом деле там происходит. Многие печально известные Маршалловы острова – Бикини, Эниветок, Ронгелап – до сих пор необитаемы из-за высокой радиоактивности, и побывать на них практически невозможно. Я не мог не вспомнить ужасные истории, слышанные в пятидесятые годы: о странном белом пепле, усыпавшем японскую рыболовецкую шхуну, после чего весь экипаж заболел острой формой лучевой болезни; о «розовом снеге», выпавшем в Ронгелапе после очередного испытания, – дети никогда не видели ничего подобного и принялись с восторгом играть в «снежки».⁹ С некоторых островов все население было эвакуировано, а некоторые атоллы оказались настолько зараженными, что и сейчас, сорок лет спустя, они по ночам светятся зловещим фосфоресцирующим светом, как циферблат наручных часов.

В Маджуро к нам присоединился еще один пассажир – мы разговорились, когда оба оказались в хвосте самолета, чтобы лечь и вытянуть ноги. Это был рослый веселый человек, занимавшийся импортом консервированного мяса в Океанию. Он много распространялся о чудовищном аппетите жителей Маршалловых островов и Микронезии, с которым

они поглощают «Спам» и другие мясные консервы. Предприятие нельзя было назвать убыточным, но сам этот человек считал настоящей благотворительностью поставки питательных западных продуктов темным туземцам, которые, в противном случае, продолжали бы питаться клубнями таро, плодами хлебного дерева, бананами и рыбой, то есть ели бы то, чем их предки питались тысячи лет – «антизападной» пищей, от которой они теперь, слава богу, отвыкли. Мой собеседник был убежден сам и старался убедить меня в том, что «Спам» стал главным продуктом в рационе микронезийцев. Видимо, он не знал, как неблагоприятно отразился на здоровье островитян переход на «западные» продукты питания. Я слышал, что население островов стало часто страдать диабетом, гипертонией и ожирением, то есть болезнями, которые были им раньше почти неизвестны¹⁰.

Когда я в следующий раз решил пройти в хвост самолета, моей соседкой оказалась суровая женщина лет шестидесяти. Она оказалась миссионеркой, севшей на самолет в Маджуро вместе с церковным хором, состоявшим из дюжины туземцев, одетых в яркие пестрые рубашки. Женщина говорила о важности проповеди слова Божия среди островитян: выполняя эту задачу, она ездит по всей Микронезии и проповедует Евангелие. Эта женщина тверда в своей вере, упорна и считает себя праведницей. И действительно, в ее напористой вере есть что-то почти героическое. В религии есть некоторая двойственность, ее сила сложна и противоречива, особенно при столкновении двух различных культур – и это противоречие проступало в облике суровой женщины и ее хора.

Медицинская сестра, консервный барон и миссионерка так заняли мое внимание, что монотонный полет над нескончаемой океанской гладью промелькнул почти незаметно. Я вдруг ощутил, что самолет начал снижаться в направлении огромной, похожей на бумеранг, лагуны Кваджалейна. Мне захотелось рассмотреть воспетый медсестрой ад Эбейе, но мы приближались к Кваджалейну с другой, «хорошей», стороны. Совершив ставшую уже традиционной тошнотворную посадку, мы с грохотом и кручением приземлились на взлетную полосу. Мне стало интересно, куда нас денут на время, пока механики будут менять погнутое колесо. Кваджалейн – военная база, испытательный полигон, короче, самое охраняемое место в мире. Гражданских лиц из самолета не выпускают, но едва ли власти будут держать в самолете шестьдесят человек в течение трех-пяти часов, необходимых для замены колеса и, возможно, какого-то еще ремонта.

Нас попросили построиться в затылок и медленно, не делая резких движений, проследовать под навес на летном поле. Руководил нашими действиями чин военной полиции и руководил так: «ПОСТАВЬТЕ НА ЗЕМЛЮ ВЕЩИ, ВСТАНЬТЕ ЛИЦОМ К СТЕНЕ».

Здоровенная слюнявая псина, до этого лежавшая, тяжело дыша, на столе (температура под навесом была не ниже плюс сорока градусов Цельсия), была взята охранником за поводок и подведена сначала к нашему багажу. Собака тщательно его обнюхала, после чего полицейский подвел ее к нам, и она так же старательно обнюхала каждого. От такого обращения – как с овцами – по спине пробежал противный холодок. Мы поняли, какими беспомощными чувствуют себя люди в руках военных или тоталитарной бюрократии.

После этой процедуры, занявшей двадцать минут, нас загнали в узкое, похожее на тюрьму помещение с каменным полом, деревянными скамьями, полицейскими и, конечно, собаками. Окно было только одно. Расположено оно было высоко, но я, встав на цыпочки и вытянув шею, ухитрился выглянуть наружу. Я увидел аккуратно подстриженную лужайку, дорожку для гольфа и здание клуба для расквартированных здесь военных. Через час нам позволили перейти в небольшое здание в глубине аэропорта. Оттуда открывался вид на море, береговую батарею и памятники Второй мировой войны. Стоял здесь и указательный столб, стрелки на котором указывали самые разнообразные направления. Под каждой стрелкой стояло название какого-либо крупного города и указывалось расстояние до него в милях.

Справа, у верхней стрелки, было написано: «Лиллехаммер – 9716 миль». Я заметил, что Кнут внимательно рассматривает эту надпись через свой монокуляр, думая, наверное, о том, как далеко уехал он от родного дома. Тем не менее указатель вселял и бодрость, так как давал почувствовать, что и другой, настоящий мир продолжает где-то существовать.

Самолет починили менее чем за три часа и, несмотря на то, что экипаж сильно устал из-за долгих задержек на Джонстоне и Маджуро – прошло уже тринадцать часов после вылета из Гонолулу, – летчики все же решили лететь, а не оставаться в Кваджалейне на ночь. Самолет взлетел, и всеми нами, когда Кваджалейн остался позади, вдруг овладело чувство необычайного облегчения и радости. В самом деле, в самолете во время этого последнего перелета воцарилось поистине праздничное настроение. Все стали приветливыми и разговорчивыми, начали делиться друг с другом едой и разными историями. Нас объединяло волнующее ощущение жизни и свободы после неприятного, пусть и кратковременного, заточения.

Разглядев лица моих попутчиков во время пребывания в Кваджалейне, я осознал, насколько многолика Микронезия: здесь были понпейцы, возвращавшиеся на свой остров; чуукизы – рослые, похожие на полинезийцев великаны, говорившие на плавном, текучем языке, сильно отличавшемся – даже для моего уха – от языка Понпеи. Летели с нами и весьма сдержанные уроженцы Палау, исполненные чувства собственного достоинства. Видел я и дипломата с Маршалловых островов, летевшего в Сайпан. Находилось в самолете и семейство с Чаморры (в их речи я уловил нечто похожее на испанский язык), возвращавшееся домой, на Гуам. Уже в воздухе я вдруг почувствовал, будто я оказался в каком-то лингвистическом аквариуме, улавливая звуки самых разных наречий и языков.

Слушая причудливую смесь языков, я начал понимать, что Микронезия – это гигантский архипелаг, туманность островов, тысяч островов, рассеянных в необъятной акватории Тихого океана, и каждый из них был далек от других, как инопланетное космическое тело, как звезды в небе. Именно к этим островам, к исполинской ближайшей галактике Полинезии, влекло величайших в истории человечества мореплавателей. Их влекли любопытство, страсть, страх, голод, религия, войны – причин было множество, но вело их искусство кораблеводства и глубокое знание характера океана и путеводных звезд. Люди приплыли сюда более трех тысяч лет назад, когда греки только начали исследовать Средиземное море, а Гомер рассказывал о странствиях Одиссея. Громадность этой одиссеи, ее героизм, ее чудо, ее отчаяние захватили мое воображение, когда мы летели над бескрайним простором Тихого океана. Сколько таких путешественников сгинуло в безграничной пучине, так и не достигнув земли, которую они так жаждали увидеть! Сколько кораблей было разбито о рифы и скалы жестоким прибоем. Сколько островов обманули мореплавателей своим мнимым гостеприимством, а потом оказались слишком малыми для того, чтобы поддержать жизнь прибывшего народа. Сколько людей погибло здесь от голода, безумия и насилия?

И снова внизу Тихий океан, на этот раз ночью – огромное темное пространство, временами отражающее луну. Остров Понпеи тоже погружен во тьму, но мы видим или, точнее, угадываем силуэты его гор, виднеющихся на фоне ночного неба. Самолет приземляется, мы выходим и сразу попадаем в горячие влажные объятия тропической ночи, пропитанной ароматом плюмерии. Это, я думаю, было первое ощущение, испытанное всеми одновременно – запах тропической ночи, дневные ароматы, ослабленные прохладным ночным ветерком, и только после этого мы видим над головой потрясающе широкий и белый навес Млечного Пути.

Проснувшись наутро, мы обнаруживаем то, что было скрыто от нас темнотой ночи, – мы видим, что Понпеи – это не плоский коралловый атолл, а торчащая из океана гора, пики которой отвесно поднимаются к небу, а вершины теряются в облаках. Крутые склоны покрыты густыми джунглями, прорезанными многочисленными быстрыми ручьями и водо-

падами. У подножия гор видны округлые, словно катящиеся, холмы; часть их возделана. Побережье окаймлено мангровыми зарослями и отделено от океана барьерным рифом. Надо сказать, что меня очаровали и атоллы – Джонстон, Маджуро и даже Кваджалейн, – но этот высокий вулканический остров, окутанный джунглями и облаками, был совершенно другим, был истинным раем для натуралиста.

Я испытал сильное искушение опоздать на самолет и задержаться здесь на месяц, на два, может быть, на год... или на всю оставшуюся жизнь. Сделав над собой нешуточное усилие и подавив это импульсивное желание, я присоединился к моим попутчикам и сел в самолет, вылетающий в Пингелап. Когда машина поднялась в воздух, весь остров открылся нам как на ладони. Описание Таити, данное Мелвиллом в «Ому», вполне могло относиться и к Понпеи:

«От великих центральных вершин... земля растекается во все стороны к морю ниспадающими зелеными кругами. Между кругами залегли широкие тенистые долины, напоминающие Темпе, омываемые многочисленными реками и ручьями и поросшие густым лесом... С моря на остров открывается поистине величественный вид. Мы видим необъятный массив самых разнообразных оттенков зеленого цвета – от прибрежных зарослей до горных вершин. Склоны непрерывно оживляются долинами, хребтами, узкими ущельями и каскадами водопадов. Над хребтами, то там, то здесь, возвышаются пики, отбрасывающие в долины свои темные тени, достигающие их дна. У начала долин на солнце сверкают низвергающиеся в них сверкающие на солнце водопады, словно вырывающиеся из чудесных зеленых беседок... Не будет преувеличением сказать, что на европейца, каким бы бесчувственным он ни был, который попадает в эти долины, неопиcуемый покой и несказанная красота ландшафта действуют с такой же силой, как явления, приходящие к нему во сне».

Пингелап

Пингелап – один из восьми крошечных атоллов, разбросанных по океану вблизи Понпеи. Когда-то все они были высокими вулканическими островами наподобие Понпеи, но, имея намного больший геологический возраст, они подверглись эрозии и за миллионы лет опустились вниз, скрывшись под водой и оставив на поверхности лишь кольца коралловых рифов, окружающих лагуны, и, таким образом, получилось, что общая площадь атоллов – Анта, Пакина, Нукуоро, Оролука, Капингамаранги, Мвоакила, Сапвуахфика и Пингелапа теперь составляет не более трех квадратных миль. Несмотря на то что атолл Пингелап находится дальше других от Понпеи (от острова его отделяют сто восемьдесят миль очень беспокойного моря), он был заселен первым и имеет самое многочисленное население – около семисот человек. Торговля между островами практически отсутствует, и сообщение между ними тоже небольшое: между островами курсирует, выполняя работу парома, теплоход «Микроглори», который перевозит между островами грузы и немногочисленных пассажиров, совершая рейсы (если позволяют ветры и волны) пять-шесть раз в год.

Так как следующий рейс «Микроглори» был запланирован только на следующий месяц, мы зафрахтовали небольшой винтовой самолет, принадлежащий Миссионерской тихоокеанской авиационной службе. Управлял самолетом бывший летчик гражданской авиации из Техаса, переселившийся на Понпеи. Мы едва поместились в самолете с нашим багажом, офтальмоскопом, диагностическими приборами, снаряжением для подводного плавания, фотографическим и регистрирующим оборудованием, а также всякими специальными приспособлениями для больных ахроматопсией: двумя сотнями пар солнцезащитных очков и козырьков, а также несколько меньшим числом детских очков.

Самолет, специально сконструированный для местных авиалиний, летел медленно, но двигатели гудели ровно и надежно. К тому же мы летели так низко, что могли разглядеть плывущие в море косяки тунцов. Через час показался атолл Мвоакил, а еще через час мы увидели три островка атолла Пингелап, образующих прерывистый гребень вокруг лагуны.

Пилот дважды облетел атолл, чтобы лучше его рассмотреть – на первый взгляд внизу не было ничего, кроме сплошного густого леса. Только с бреющего полета, с высоты двести футов, стали видны тропинки, пересекающиеся в лесу под разными углами, и низенькие домики, почти целиком спрятанные под листвой.

Внезапно поднялся ветер – до этого стоял абсолютный штиль, – начавший сильно раскачивать кокосовые пальмы и панданы. Когда мы садились на бетонированное поле аэродрома, построенного японцами полвека назад, сильный задний ветер едва не сдул нас с полосы. Пилот, стараясь удержать машину, пропустил начало посадочной полосы, и теперь возникла опасность просто слететь в море, выкатившись за полосу. Включив до предела главные тяги и с Божьей помощью, пилот сумел остановить самолет, развернув его буквально в шести дюймах от лагуны.

– Ребята, вы в порядке? – спросил он нас, а потом буркнул себе под нос: – Такой посадки у меня еще не было!

Кнут и Боб были бледны как мел; впрочем, и пилот выглядел не лучше. Видимо, они живо представили, как самолет погружается под воду, а они, задыхаясь, безуспешно стараются выбраться из кабины. Мною же овладело странное равнодушие, мне показалось, что это было бы даже забавно и романтично – погибнуть на рифах, но меня вдруг сильно затоснило. Но и в этой критической ситуации, когда самолет, визжа тормозами, остановился поперек посадочной полосы, мне показалось, что я слышу смех и радостные восклицания. Когда мы выбрались из самолета, все еще бледные от пережитого потрясения, из леса высыпали десятки детей. Размахивая цветами и банановыми листьями, они, смеясь, окружили

нас. Взрослых я в первый момент не увидел и подумал, что Пингелап – это остров детей. В эти первые, бесконечно долгие моменты, глядя на выбегающих из леса детей, обнимавших друг друга, на роскошную тропическую растительность, я вдруг ощутил, как мною завладевает первобытная красота, человеческая и природная. Меня захлестнула волна любви – к детям, лесу, острову и всему миру; мне представилось, что я пребываю в раю, в какой-то волшебной реальности. Наконец-то я дома. Мне хотелось провести здесь остаток жизни. Я подумал, что ведь некоторые из этих детей могли быть моими.

– Какая красота! – восхищенно прошептал Кнут, стоявший рядом со мной, а потом добавил: – Посмотрите на этого ребенка... и на этого... и еще...

Я проследил за его взглядом и вдруг увидел то, что сначала ускользнуло от моего внимания. Среди толпы детей попадались группы мальчиков и девочек, щурившихся от яркого солнца и отводивших от него взгляды. У одного мальчика постарше на голову была накинута черная матерчатая накидка, закрывавшая глаза. Кнут сразу увидел их и узнал своих братьев, людей, не различающих цвета. Он увидел и узнал их моментально, стоило ему ступить на эту землю. Но и они тут же узнали его, когда он в солнцезащитных очках вышел из самолета.

Несмотря на то что Кнут читал научную литературу и был знаком с людьми, страдавшими ахроматопсией, он оказался не готов к встрече с таким количеством своих собратьев, о которых он до этого ничего не знал, живших в тысячах миль от его дома. Но с первого же мгновения он ощутил внутреннее родство с ними. Мы стали свидетелями странной встречи – белокожий светловолосый северянин Кнут в европейской одежде, с фотоаппаратом на шее и маленькие смуглые дети Пингелапа. Она показалась нам необычайно трогательной¹¹.

Множество рук подхватили наш багаж, а оборудование тотчас погрузили на импровизированную тележку – шаткую конструкцию из наспех сколоченных досок, поставленную на разболтанные велосипедные колеса. На Пингелапе нет автомобилей и мощных дорог, есть только грунтовые или посыпанные гравием тропинки, пересекающие в разных направлениях лес. Все эти тропинки, прямо или через другие дорожки, выводят на главную дорогу, обставленную домами, крытыми жестью или широкими листьями. Выйдя на главную улицу, мы пошли по ней в сопровождении десятков восторженных детей и нескольких молодых взрослых (мы пока не видели людей старше двадцати пяти – тридцати лет).

Наше прибытие – со спальными мешками, водой в бутылках, медицинским и съемочным оборудованием – было явлением беспрецедентным (местных детей привели в восторг не столько наши фотокамеры, сколько жужжащий звук их затворов, и в течение всего дня дети имитировали этот звук, играя с банановыми стеблями или кокосовыми орехами). В нашей процессии было что-то невероятно праздничное при полном отсутствии всякой программы и порядка. У этого шествия не было вожаков, оно производило впечатление полной безалаберности и обоюдного удивления. Островитяне, раскрыв рот, смотрели на нас, а мы – точно так же – на них. Мы шли, делая частые остановки и сворачивая на боковые тропинки, обходя множество местных домов. По дороге сновали многочисленные поросята. Вели они себя довольно беззастенчиво и равнодушно, не как привязчивые домашние животные, а скорее, как равноправные и вполне самостоятельные хозяева острова. Нас сразу удивил окрас свиней – они были черно-белыми, и мы почти серьезно заинтересовались – не специально ли они выведены страдающими ахроматопсией людьми.

Никто из нас, естественно, не произнес этого вслух, но наш переводчик Джеймс, сам страдающий ахроматопсией, – талантливый молодой человек, который (в отличие от большинства островитян) провел долгое время вне острова и получил образование в Гуамском университете, – все понял по нашим взглядам и сказал: «Наши предки привезли с собой этих свиней, когда прибыли на остров тысячу лет назад. Еще они привезли хлебное дерево и ямс, а также мифы и ритуалы нашего племени».

Несмотря на то что поросята носятся по деревне в поисках съестного (они очень любят бананы, гнилые манго и кокосовые орехи), все они, как сказал Джеймс, кому-то принадлежат. Более того, по количеству свиней судят о зажиточности и социальном статусе семьи. Поначалу свинина была королевским блюдом, никто, кроме короля, нанмварки, не имел права ее есть, и даже теперь свиней забивают редко, только по случаю особых церемоний и праздников¹².

Кнут был очарован не только свиньями, но и богатством растительности, которую он видел вполне отчетливо, быть может, даже лучше, чем мы с Бобом. Для нас, людей с нормальным цветовым зрением, вся растительность была просто оттенками зеленого цвета, для Кнута же это была полифония яркости, тональностей, форм и текстуры, которые он легко различал. Он сказал об этом Джеймсу, и тот ответил, что воспринимает растительность точно так же, как и остальные жители острова, страдающие ахроматопсией, – никто из них не испытывает трудности в различении растений. Джеймс полагал, что в этом им помогает монохромный пейзаж. Почти все здесь было зеленым, за исключением красных цветов и плодов, которые островитяне иногда не замечали, особенно при определенном освещении¹³.

– Но как вы поступаете с бананами? Можете ли вы, например, отличить желтый банан от зеленого? – спросил Боб¹⁴.

– Не всегда, – ответил Джеймс. – Для меня светло-зеленый банан может выглядеть как желтый.

– Но как вы тогда отличаете спелые бананы от незрелых?

Вместо ответа Джеймс подошел к банановому дереву и вернулся с выбранным им ярко-зеленым бананом, который и протянул Бобу.

Боб начал чистить плод. К его удивлению, кожура сходила с него очень легко. Боб опасливо откусил небольшой кусок, а потом с удовольствием доел банан до конца.

– Видите ли, – сказал Джеймс, – мы ориентируемся не на цвет, а внимательно смотрим на плод, ощупываем его, нюхаем. Мы *знаем* – мы принимаем в расчет все его свойства, а вы ориентируетесь только на цвет!

Я видел очертания Пингелапа с самолета – три островка, образующие ломаное кольцо вокруг центральной лагуны диаметром около полутора миль, и теперь, шагая по узкой полоске земли, разделяющей волнующийся океан с одной стороны, и безмятежную лагуну с другой расстоянием в несколько сот ярдов, я вспомнил о том благоговении, какое испытали европейские мореплаватели, первыми ступившие на эти острова, так не похожие своей формой на сушу, которую они видели прежде. «Это подлинное чудо, – писал в 1605 году Пирар де Лаваль, – созерцать каждый из этих атоллов, окруженный каменным валом, сооруженным без малейшего участия человека».

Кук, совершавший многочисленные плавания в Тихом океане, тоже был заинтригован едва выступавшими над поверхностью воды атоллами и уже в 1777 году мог рассуждать о противоречиях и загадках их происхождения:

«Некоторые придерживаются мнения, что они – остатки больших островов, которые в отдаленные времена были сплошными участками суши, но море вымыло их, оставив только самые возвышенные участки. Другие же, и я в их числе, думаю, что атоллы образовались из массы растущих кораллов. Есть и третьи, кто полагает, будто атоллы сформировались из-за поднятия дна в результате землетрясений».

Однако в начале девятнадцатого века стало ясно, что, хотя коралловые атоллы могли подниматься из океанских глубин, живые кораллы не способны расти на глубинах, превышающих сто ярдов, и должны при этом иметь под собой твердое основание. Следовательно,

невозможно, подобно Куку, предположить, что коралловые отложения могли образоваться на океанском дне.

Сэр Чарлз Лайелл, выдающийся геолог своего времени, постулировал, что атоллы изначально представляли собой коралловое обрамление поднявшихся над поверхностью океана подводных вулканов, но эта гипотеза требовала от вулканов почти сверхъестественной способности подниматься лишь до глубины в пятьдесят-восемьдесят футов, чтобы образовать основу для роста коралловых полипов, не поднимаясь при этом над поверхностью океана.

Дарвин стал свидетелем мощного землетрясения и извержения вулканов на чилийском побережье; для него эти катаклизмы были «частью величайших событий, происходивших в нашем мире» – они красноречиво говорили о нестабильности и вечной подвижности, о непрерывных геологических колебаниях земной коры. Подъемы земной поверхности и великие провалы поражали воображение: Анды вздымались к небу на высоту в тысячи футов, а Тихий океан уходил в глубь Земли тоже на тысячи футов. В контекст этой общей картины вписывались и более частные события. Как показалось Дарвину, он понял, что такие возвышения и опускания могли стать причиной возникновения как океанических островов, так и коралловых атоллов. Рассмотрев гипотезу Лайелла в обратном порядке, Дарвин предположил, что кораллы росли не на вершинах поднявшихся с морского дна вулканов, а на их склонах, находившихся под водой. Со временем, после того как, подвергаясь эрозии, вулканы постепенно уменьшались, исчезая под водой, кораллы продолжали удерживаться на поверхности благодаря активному росту. Они тянулись вверх, к теплу и солнцу, придавая атоллу характерную форму. Образование такого атолла, по приблизительным подсчетам Дарвина, могло потребовать около одного миллиона лет.

Дарвин приводил и доказательства своей гипотезы – пальмы и строения, которые когда-то находились на суше, а ныне оказались под водой. Дарвин, однако, понимал, что будет нелегким делом добыть решающие доказательства такого медленного тектонического смещения. Действительно, его теория (хотя она и была принята многими учеными) была доказана лишь столетие спустя, когда сквозь кораллы атолла Эниветок была пробурена гигантская скважина, позволившая упереться буром в вулканическое дно на глубине 4500 футов ниже уровня моря¹⁵. Для Дарвина образование коралловых рифов «было чудесным памятником подземных колебаний, приводивших к изменениям уровня, и каждый атолл был монументом, высившимся над исчезнувшим островом... Мы можем, таким образом, подобно геологу, прожившему десять тысяч лет и аккуратно записывавшему все происходящие изменения, и получить некоторые представления о той великой системе, благодаря которой колебалась поверхность земного шара, а воды и суша то и дело менялись местами».

Глядя на Пингелап, размышляя о высоком вулкане, которым когда-то был этот остров, постепенно скрывшийся под водой за десятки миллионов лет, я буквально физически ощущал беспредельность времени и думал о том, что наша экспедиция в Южные моря стала путешествием не только в пространстве, но и во времени.

Внезапно поднявшийся ветер, едва не вышвырнувший нас с атолла, так же неожиданно стих. Только вершины пальм продолжали некоторое время по инерции раскачиваться из стороны в сторону, и мы все еще слышали грохот накатывавших на берег океанских волн. Тайфуны, которыми печально известна эта часть Тихого океана, могут стать поистине разрушительными для таких коралловых атоллов, как Пингелап (который выступает из воды на высоту не более десяти футов). Любая волна может захлестнуть атолл целиком. Тайфун Ленгкиеки, прокатившийся над атоллом в 1775 году, убил девяносто процентов его жителей, а почти все уцелевшие умерли голодной смертью, ибо тайфун погубил хлебные дере-

вя, бананы и кокосовые пальмы, оставив островитянам лишь один источник пропитания – рыбу¹⁶.

К моменту катастрофы население Пингелапа составляло около тысячи человек, а остров был заселен в течение приблизительно восьмисот лет. Неизвестно, откуда приплыли первые поселенцы, но они принесли с собой тщательно продуманную иерархическую систему управления, возглавлявшуюся королями (нанмварками), богатую устную традицию и мифологию, а также язык, который уже тогда был практически непонятен «континентальным» жителям Понпеи¹⁷. За несколько недель, пока бушевал тайфун, население цветущего острова уменьшилось примерно до двадцати человек, включая самого нанмварки и королевскую семью.

Пингалепцы оказались весьма плодовиты, и через несколько десятилетий население острова приблизилось к ста человекам. Но при таком рекордном размножении – а оно, по необходимости, было инбредным – возникли новые проблемы: начали распространяться прежде редкие генетические признаки, и спустя четыре поколения после пронесшегося тайфуна на острове появилась «новая» болезнь. Первые дети с пингалепской глазной болезнью стали рождаться в двадцатые годы девятнадцатого века, а еще через несколько поколений их число составило пять процентов от всего населения острова. Эта пропорция сохраняется и до сих пор.

Мутация, приводящая к ахроматопсии, появилась на Каролинских островах, вероятно, несколько столетий назад, но она затронула рецессивный ген, и пока население было достаточно велико, шансы на брак двух носителей его были очень невелики. Все изменилось после тайфуна, и изучение генеалогии семей указывает на то, что уцелевший нанмварки был единственным предком всех последующих носителей¹⁸.

Дети с местной глазной болезнью рождаются на свет здоровыми с виду, однако в возрасте двух-трех месяцев они начинают щуриться и часто моргать или отворачиваются от источников яркого света. Когда дети немного подрастают, родители замечают, что они не различают мелких деталей и плохо видят вдаль. К четырем-пяти годам становится ясно, что дети не способны различать цвета. Для описания этого странного заболевания в местном языке существует слово «маскун» (не видящий). Болезнь с равной частотой поражает мальчиков и девочек, при этом дети остаются активными и здоровыми физически и психически.

Сегодня, два века спустя после тайфуна, треть населения острова является носителями гена маскуна, а из семисот островитян пятьдесят семь страдают ахроматопсией. Если частота ахроматопсии в мире составляет один случай на тридцать тысяч человек, то здесь, на Пингелапе, ею страдает каждый двенадцатый.

Наша безалаберная процессия, то останавливаясь, то отклоняясь в стороны, с шумными детьми и путающимися под ногами свиньями, добралась наконец до административного здания поселения – двухэтажного дома из шлакоблоков. Таких зданий на острове было еще одно или, может, два. Здесь нас со всеми положенными церемониями приняли нанмварки, судья и другие официальные лица. Одна пингалепская женщина, Делида Айзек, служившая переводчицей, представила всех нас и представилась сама. Эта женщина руководила расположенным через дорогу медпунктом, где она лечила травмы и самые разнообразные болезни. Делида рассказала, что несколько дней назад приняла роды ребенка, находившегося в ягодичном предлежании, – это была трудная задача, учитывая полное отсутствие медицинского оборудования, но все прошло отлично, и мать, и дитя чувствуют себя хорошо. На Пингелапе нет врачей, но Делида вне острова училась оказывать первую помощь, и к тому же ей часто помогают стажеры с Понпеи. Если Делида не может справиться с каким-то сложным случаем, больному приходится ждать приезда медсестры с Понпеи, которая раз в месяц

объезжает все окрестные острова. Однако Делида, как заметил Боб, несмотря на свою кажущуюся мягкость, была «реальной силой, с которой надо было считаться».

Женщина устроила нам экскурсию по административному зданию. Многие комнаты были пусты и заброшены, а старый керосиновый генератор, с помощью которого должно было освещаться здание, не работал, наверное, уже много лет¹⁹. С наступлением сумерек Делида повела нас в дом судьи, где мы должны были квартировать. Уличного освещения на острове не было, не пользовались местные жители и фонарями, а темнота сгустилась очень быстро. Внутри дома, сложенного из бетонных блоков, было жарко и душно, как в парилке, несмотря на то, что наступила ночь. Однако к дому была пристроена уютная терраса, крышей которой служили ветви росших поблизости хлебного дерева и развесистого банана. В доме были две спальни. Кнут занял комнату судьи внизу, а мы с Бобом разместились в детской. В ужасе мы переглянулись – так как оба страдаем бессонницей, не переносим жару и любим читать по ночам. Мы не понимали, как нам удастся пережить ночь без возможности даже почитать.

Всю ночь я ворочался и не мог заснуть – отчасти из-за невыносимой жары, а отчасти из-за странного зрительного возбуждения, к которому я склонен, обычно перед приступом мигрени. Мне мешали уснуть тени от хлебного дерева и банана, мелькавшие по потолку, а также пьянящая радость, что я наконец исполнил свою мечту и оказался на Пингелапе, острове дальтоники.

В ту ночь мы толком не спали. Растрепанные и не выспавшиеся, мы с рассветом вышли на террасу и решили прогуляться, а заодно произвести небольшую рекогносцировку на местности. Я взял блокнот и по пути сделал несколько заметок, несмотря на то, что чернила сильно расплывались из-за высокой влажности воздуха.

«Шесть часов утра, но стоит изнуряющая, невозможная, поистине дьявольская жара. Однако, несмотря на нее, остров уже проснулся и занялся насущными делами: свиньи с визгом бродят где-то в подлеске, ноздри щекочет запах рыбы и таро, люди чинят крыши, покрывая их пальмовыми и банановыми листьями, – пингелапцы готовятся к новому дню. Три человека делают каноэ – прелестной классической формы, – вырубленное из цельного пальмового ствола. При этом используют те же материалы и способы, какими, вероятно, пользовались их предки тысячу лет назад. Боб и Кнут как зачарованные, со счастливым видом принялись наблюдать за строительством лодки. Внимание Кнута привлекла очередная достопримечательность на противоположной стороне дороги. Рядом с одним из домов он разглядел какие-то могилы и алтари. На Пингелапе не практикуют церемонии погребения, здесь нет кладбищ, есть только вот такие захоронения возле домов, чтобы мертвые «оставались рядом» с родными людьми. Вокруг могил натянуты шнуры, похожие на бельевые веревки, на которых висят разноцветные флажки – возможно, их предназначение в том, чтобы отпугивать демонов, а может, это просто украшения. Вообще могилы выглядят весело и празднично.

Мое внимание в большей степени привлечено к растительности. Здешний лес намного гуще самого густого леса умеренного климатического пояса. На некоторых деревьях виден яркий желтый лишайник. Я знаю, что некоторые лишайники съедобны, и пробую его на вкус – он оказывается горьким и неприятным».

Повсюду видны хлебные деревья – иногда их целые рощи, с большими дольчатыми листьями. На каждом дереве висят огромные плоды, которые Дампир триста лет назад упо-

добил большим хлебом²⁰. Никогда в жизни не видел я более щедрого от природы растения – его, кроме того, легко выращивать. Джеймс сказал, что каждое дерево может принести за год до ста плодов – вполне достаточно, чтобы прокормить одного человека. Хлебное дерево плодоносит в течение пятидесяти лет, а потом идет на древесину. Дерево очень прочное, из него чаще всего изготавливают каноэ.

В лагуне полно купающихся детей, некоторые из них – ползунки, едва научившиеся ходить, но и они бесстрашно ныряют в воду и плавают между острыми кораллами, радостно что-то крича. Среди маленьких пловцов я заметил двух или трех детишек с ахроматопсией – они кричали, играли и возились наравне с другими. В этом обществе они не были изгоями, во всяком случае в нежном возрасте. Было еще очень рано, и к тому же небо заволочло тучами, и больные дети не шурились, как они обычно делают это днем. Некоторые дети постарше привязывали к рукам резиновые подошвы старых сандалий, превратив их в некое подобие ласт. Другие ныряли в поисках обильно устилавших дно огромных толстых морских огурцов, а потом, надавливая на них, пользовались как спринцовками, чтобы обрызгивать друг друга водой... Я очень люблю голотурии и надеялся, что эта экзекуция их не погубит.

Войдя в воду, я тоже принялся нырять за морскими огурцами. Я читал, что одно время существовала оживленная торговля этими иглокожими. Их экспортировали в Малайю, Китай и Японию, где высоко ценятся трепанги (еще одно название морских огурцов). Я и сам люблю иногда полакомиться трепангами – они имеют консистенцию крутого студня, богаты животной клетчаткой, и мне нравится их вкус. Вытащив на берег один огурец, я спросил Джеймса, едят ли их жители острова. «Мы едим их, – ответил он, – но они очень жесткие, и их надо уметь готовить. Но этого, – он ткнул пальцем в вытащенного мною *Stychnopus*, – можно есть сырым». Я попытался вонзить зубы в огурец, подозревая, правда, что наш гид пошутил. Действительно, я так и не смог прокусить плотный покров голотурии. Было такое впечатление, что я пытаюсь есть старый заскорузлый башмак²¹.

После завтрака мы отправились с визитом в одну местную семью по фамилии Эдвардс. Глава семьи, Энтис Эдвардс, страдает ахроматопсией, как и трое его детей – от малышки, щурившейся от света у него на руках, до девочки одиннадцати лет. У жены Энтиса, Эммы, зрение было нормальным, но она, несомненно, является носителем патологического гена. Энтис хорошо образован и, хотя неважно говорит по-английски, обладает врожденным красноречием. Энтис – священник в местной конгрегациональной церкви и рыбак – человек, уважаемый в общине. Но это, как сказала Эмма, скорее исключение из правила. Большинство людей, родившихся с маскуном, неграмотны, потому что в школе не видят, что пишет на доске учитель. Кроме того, у мужчин, страдающих ахроматопсией, меньше шансов жениться, отчасти потому, что островитяне понимают, что у них больше вероятность произвести больное потомство, а отчасти потому, что они не могут работать на солнце, как это делает большинство местных жителей²². Энтис во всех отношениях оказался исключением и хорошо это осознает. «Мне повезло, – говорит он. – Другим повезло куда меньше».

Если не считать этих социальных проблем, то Энтис не чувствует какой-либо ущербности от цветовой слепоты, хотя ему сильно мешает в жизни непереносимость яркого света и неспособность различать мелкие детали предметов. Кнут согласно кивал; он вообще очень внимательно слушал все, что говорил Энтис, и был почти во всем с ним согласен, ставя себя на его место. Он показал Энтису монокуляр – практически свой третий глаз, с которым почти никогда не расставался, нося его на шее. Энтис просиял от восторга, когда подправив фокус, он впервые в жизни увидел лодки, сновавшие по лагуне, деревья на горизонте и лица людей на противоположной стороне улицы. Потом он снова подправил фокус и принялся разглядывать кожные узоры на подушечках своих пальцев. Повинуясь порыву великодушия,

Кнут снял с шеи ремень и подарил монокуляр Энтису. Энтис, явно тронутый этим жестом, смущенно умолк, а его жена, выйдя в соседнюю комнату, вернулась оттуда с ожерельем из раковин каури – самой ценной вещью в их доме – и церемонно преподнесла его Кнуту под одобрительным взглядом Энтиса.

Кнут стал без монокуляра совершенно беспомощным – «я как будто подарил ему половину моего зрения», но был просто счастлив. «Он сразу почувствует себя другим человеком, а я потом куплю себе новый монокуляр».

На следующий день мы снова встретились с Джеймсом. Сильно сощурившись, он смотрел, как подростки играют в баскетбол. Как наш переводчик и гид, он был бодр, общителен и всезнающ, являясь воплощением своей общины. Но сегодня Джеймс был немногословен, задумчив и даже печален. Мы разговорились, и он поведал нам свою историю. Как и всем страдающим ахроматопсией жителям острова, ему было трудно жить и учиться – солнце буквально ослепляло его, он не выходил на улицу, не обернув голову куском темной материи. Он не мог играть с другими детьми, плохо видел, а читать учебники мог, лишь приблизив страницу на три дюйма к глазам. Но трудолюбие и любознательность сделали свое. Джеймс рано научился читать и на всю жизнь полюбил чтение, несмотря на недостаток зрения. Как Делида, он уехал в Понпеи, чтобы учиться дальше (на Пингелапе есть только начальная школа). Умный и честолюбивый, Джеймс продолжил образование в Гуамском университете, где учился пять лет и получил степень по социологии. Он вернулся на Пингелап, полный смелых и радужных идей: помочь землякам более эффективно продавать свои товары, улучшить состояние образования, здравоохранения и ухода за детьми. Он намеревался электрифицировать остров, провести в каждый дом водопровод, вселить в островитян новое политическое сознание, пробудить в них гордость и человеческое достоинство, добиться гарантий полноценного образования для всех, включая и больных ахроматопсией, чтобы они могли избежать трудностей, которые пришлось преодолевать ему.

Но из этих планов ничего не вышло – Джеймс столкнулся с невероятной инертностью и сопротивлением, равнодушием и нежеланием любых перемен. Постепенно он опустил руки и перестал бороться. На Пингелапе он не мог найти работу, соответствующую его образованию и талантам, потому что на острове с его натуральным хозяйством для него просто не было работы. Здесь нужны были лишь санитар, чиновник да пара учителей. Со своей университетской степенью, новыми манерами и взглядами Джеймс словно перестал быть членом маленького пингелапского мирка и оказался отщепенцем и изгоем.

У крыльца дома Эдвардсов мы обратили внимание на пестрый домотканый коврик. Но теперь мы поняли, что такие коврики лежат у дверей очень многих домов Пингелапа – как хижин, крытых пальмовыми листьями, так и каменных домов с рифлеными алюминиевыми кровлями. Техника плетения ковриков не изменилась с незапамятных времен, объяснил нам Джеймс; их по-прежнему изготавливали из волокон, сделанных из пальмовых листьев, правда, вместо старинных растительных красителей теперь используют краску, извлеченную из копировальной бумаги, которую по прямому назначению на острове почти не используют. Самой искусной ткачихой на острове была женщина, страдавшая ахроматопсией. Женщина научилась этому мастерству у своей матери, которая тоже не различала цвета. Джеймс познакомил нас с плетельщицей. Та занималась своим ремеслом в столь темной хижине, что мы, войдя туда с яркого света, едва могли разглядеть интерьер. Кнут, напротив, сняв очки и козырек, сказал, что в этом помещении он впервые после приезда на остров чувствует себя комфортно. Привыкнув к полумраку, мы увидели, что кусочки ткани отличались друг от друга яркостью, но этот контраст сразу исчез, стоило вынести коврик на солнечный свет.

Кнут рассказал женщине, что совсем недавно его сестра Бритт – просто чтобы доказать, что такое возможно – связала свитер из ниток шестнадцати цветов. Она разработала собственную систему вязания и, чтобы не путать клубки, пометила их номерами. Свитер был украшен красивым орнаментом и фигурками из норвежских народных сказок, но, поскольку рисунок был выполнен в тусклых коричневых и фиолетовых тонах, то есть лишен цветовых контрастов, он оставался практически невидимым для людей с нормальным цветовым зрением. Бритт, однако, видела рисунок совершенно отчетливо, лучше, чем люди, не страдающие ахроматопсией. «Это мое секретное искусство, – шутила Бритт. – Для того чтобы его видеть, надо страдать цветовой слепотой».

Во второй половине дня мы отправились в медицинский пункт, чтобы осмотреть больных с ахроматопсией. В доме собрались около сорока человек, приблизительно половина всех страдавших цветовой слепотой. Мы разместились в самой большой комнате – Боб со своим офтальмоскопом, линзами и прибором для определения остроты зрения; я со множеством цветных ниток, рисунков, карандашей и стандартным набором для определения чувствительности к цвету. У Кнута оказался с собой набор ахроматических карточек Слоуна. Я никогда прежде их не видел, и Кнут объяснил мне суть теста: «На каждую карточку нанесены последовательности серых квадратов, различающиеся лишь интенсивностью тона – от светло-серого до почти черного. Посередине каждого квадрата вырезано круглое отверстие. Если карточку поместить на кусок цветной бумаги, то один из квадратов своим оттенком серого будет соответствовать этому цвету». С этими словами Кнут указал на оранжевое пятно посреди умеренно серого фона одного из квадратов. «Таким, как я, кажется, что внутреннее пятно и окружающий квадрат имеют одинаковую тональность серого».

Для человека с нормальным цветовым зрением подобное соответствие не имеет абсолютно никакого смысла, потому что ни один оттенок серого для него никогда не совпадет ни с одним цветом. Однако эта задача очень проста для людей с ахроматопсией, для которых все цвета – это всего лишь оттенки серого разной яркости и тональности. В идеале тест надо проводить при стандартном освещении, но, поскольку на острове нет электричества, Кнуту пришлось принять за эталон свое восприятие, сравнивая ответы островитян с собственными. Почти в каждом случае ответы совпадали или были очень близки.

Медицинский осмотр обычно проводят в приватной обстановке, но здесь обследование превратилось в публичное мероприятие. Десятки мальчишек и девчонок глазели в окна или просто входили в комнату, придавая действу зрелищность и праздничность.

Боб решил проверить рефракцию у всех пришедших на прием пациентов и внимательно осмотреть глазное дно – не слишком простое дело при сильном нистагме. Конечно, Боб не мог рассмотреть микроскопические палочки и колбочки (или установить отсутствие последних) непосредственно, но зато мог исключить иную патологию сетчатки с помощью офтальмоскопа. Когда-то один из исследователей предположил, что маскун непременно сочетается с миопией (близорукостью) высокой степени; Боб, однако, обнаружил, что некоторые ахроматопы действительно страдали близорукостью, зато другие обладали вполне нормальной рефракцией. Кстати, Кнут был дальновзорким. Мало того, Боб выявил, что такая же доля жителей острова с нормальным цветовым зрением тоже страдала выраженной близорукостью. Если речь и шла здесь о наследственной миопии, то она, по мнению Боба, была независима от цветовой слепоты²³. Он добавил, что, возможно, сведения о близорукости были преувеличены прежними исследователями, так как они видели, как сильно жмурятся многие островитяне и приближают предметы к глазам, чтобы лучше их рассмотреть. Такое поведение свойственно близоруким людям, хотя на самом деле это были больные ахроматопсией и не обязательно близорукие.

Я спрашивал людей с ахроматопсией, могут ли они судить о цвете ниток или по меньшей мере сравнивать их друг с другом. Сравнения люди делали на основании яркости и

оттенка серого цвета, а не самого цвета: например, желтые и голубые нитки попадали в одну группу с белыми, а насыщенно-красные и зеленые – с черными. Кроме того, я демонстрировал островитянам псевдоизохроматические таблицы Ишихары, на которых числа и буквы изображены посредством цветных точек, различимых только по цвету, а не по яркости (эти таблицы предназначены для диагностики парциальной цветовой слепоты). Некоторые из таблиц Ишихары парадоксальным образом неразличимы для людей с нормальным цветовым зрением, но ахроматопы без труда различают нанесенные на них цифры и буквы, так как одинаковые по величине точки едва заметно отличаются яркостью. Особенно это заинтересовало подростков – они начали показывать таблицы мне, спрашивая, вижу ли я изображение, и подбирая такие числа, которых я, в отличие от детей, не видел.

Самым главным было присутствие Кнута на обследовании, его рассказы о собственных переживаниях. Это помогло сделать наши вопросы ненавязчивыми, избежать атмосферы допроса, создать дружескую и товарищескую обстановку – мы все были заодно, мы были единомышленниками и стремились к одной цели – разъяснить ситуацию и ободрить больных маскуном. Дело в том, что цветовая слепота сама по себе не вызывает у местных жителей особой тревоги, но этой аномалии сопутствует масса предрассудков и страхов. Люди боятся, что болезнь может прогрессировать и привести к полной слепоте, что она сочетается с умственной отсталостью, безумием, эпилепсией или болезнями сердца. Некоторые верили в то, что цветовая слепота возникает из-за беспечности будущей матери во время беременности, другие думали, что цветовая слепота заразна. Люди видели и понимали, что цветовая слепота встречается преимущественно в некоторых семьях, но не имели представления ни о рецессивных генах, ни о наследственности. Мы с Бобом изо всех сил старались объяснить островитянам, что маскун не прогрессирует, он поражает только цветовое зрение, и что с помощью простейших оптических приспособлений – темных солнцезащитных очков или козырьков, уменьшающих яркость освещения, и увеличительных стекол и монокуляров, позволяющих читать и хорошо видеть вдаль, – человек с маскуном может успешно окончить школу, хорошо жить, путешествовать, работать так же, как и все остальные. Но лучше всяких слов в нашей правоте людей убеждало одно только присутствие Кнута, который сам пользовался темными очками и увеличительным стеклом, что дало ему возможность свободно и по собственному усмотрению распоряжаться своей жизнью.

Выйдя из медпункта, мы начали раздавать привезенные с собой солнцезащитные очки и шапки с козырьками. Результаты были самыми разнообразными и подчас неожиданными. Одна молодая мама с плачущим и сильно шурящимся ребенком на руках взяла у нас пару крошечных детских очков и надела их на личико малыша. Ребенок успокоился, в его поведении возникла разительная перемена. Он перестал шуриться, широко открыл глаза и принялся с любопытством смотреть по сторонам. Зато старуха, самая старая больная с ахроматопсией на острове, возмущенно отказалась от предложенных очков, сказав, что прожила без них восемьдесят лет и не собирается надевать их на посмешище соседям и внукам. Однако многим другим взрослым и подросткам с ахроматопсией очки понравились. Они морщили носы от непривычной тяжести очков, но было видно, что яркий свет перестал донимать их с прежней силой.

Говорят, что когда Витгенштейн к кому-нибудь приезжал, он мог оказаться либо самым покладистым, либо самым трудным гостем. В первый день он ел с большим аппетитом и удовольствием все, что хозяйка подавала на стол, но все остальное время при каждом приеме пищи он требовал, чтобы ему подавали то же самое. Многим подобное поведение кажется странным и даже патологическим, но не мне – я обладаю теми же наклонностями и считаю такое предпочтение совершенно нормальным. В самом деле, предпочитая однообразное питание, я, в отличие от Кнута и Боба, просто наслаждался неизменной пищей Пингелапа.

Наш завтрак, который, впрочем, затем повторялся в виде обеда и ужина, состоял из таро, бананов, плодов пандана, хлебного дерева, ямса и тунца, за чем следовали папайя и кокосовые орехи с их вкусным молочком. Я обожаю рыбу и бананы, и такая диета пришлась мне по вкусу.

Однако все мы единодушно восстали против «Спама», который подавали три раза в день – к завтраку, обеду и ужину. Я недоумевал, почему островитяне так привязаны к этой дряни, имея возможность придерживаться здоровой, питательной и вкусной диеты? Особенно поражает тот факт, что островитяне с трудом могут позволить себе эту «роскошь», потому что им и без того не хватает денег, которые они могут выручить лишь вывозом на Понпеи копры, ковриков и пандановых плодов. Я вспомнил беседу с толстым консервным королем в самолете, а теперь, на Пингелапе, смог воочию убедиться в силе этого поистине болезненного пристрастия. Как получилось, что не только на Пингелапе, но и на других островах Тихого океана люди стали прожорливыми жертвами этой гадости, несмотря на ее вред и дороговизну? Оказывается, я был не первым, кто заинтересовался этой загадкой. Позднее, когда я прочитал книгу Поля Теро «Счастливые острова Океании», я узнал о его гипотезе, касающейся наркотической зависимости местного населения от «Спама»:

«Моя теория заключается в том, что канныализм, к которому прежде было склонно население Океании, нашел свою отдушину в пристрастии к «Спаму», потому что эти консервы напоминают близкий к вкусу свинины вкус человечины. «Длинные свиньи» – так называли в Меланезии «отваренных» людей. Фактом является то, что людоеды Тихого океана эволюционировали, или, может быть, деградировали до пожирателей «Спама». Если же у них нет под рукой этой пакости, то они с удовольствием едят солонину, вероятно из-за присущего ей привкуса мертвечины».

Кстати, насколько мне известно, на Пингелапе не было традиции людоедства²⁴.

Не знаю, является ли пристрастие к «Спаму» сублимацией канныализма, как думает Теро, но для всех нас стала большим облегчением поездка на плантацию таро – главного источника пищи островитян. Плантация занимает десять акров болотистой почвы в середине острова. Пингелапцы говорят о таро с благоговейным почтением, и каждый из них по очереди работает на этой плантации, принадлежащей общине. Земля тщательно очищена от мусора и перекопана вручную. После такой вспашки в землю сажают побеги длиной около восемнадцати дюймов. Побеги растут с изумительной быстротой и скоро достигают в высоту десяти и более футов. Крона образует балдахин из широких треугольных листьев. Уход за плантацией осуществляют, по традиции, женщины, работающие здесь босиком в грязи, доходящей до щиколоток. Женщины облагораживают почву и собирают урожай. Тень, которую отбрасывают большие листья, делает эту рощу излюбленным местом встреч, особенно для людей с маскуном.

На плантации растут таро дюжины разных сортов, а их большие, богатые крахмалом клубни различаются по вкусу – от горького до сладкого. Корни можно есть сырыми, а можно высушивать и хранить про запас. Таро – это главная сельскохозяйственная культура Пингелапа, и в памяти народа до сих пор сохраняется рассказ о том, что во время тайфуна Ленгкиеки плантация была залита соленой водой и погибла, отчего великое множество людей умерло голодной смертью.

Когда мы уходили с плантации, к нам подошел – не слишком уверенной походкой, но полный решимости – какой-то старик и спросил, не может ли Боб дать ему совет. Старик очень боялся, что ослепнет. У старика были мутные зрачки, и Боб, осмотрев его позже в медпункте с помощью офтальмоскопа, поставил диагноз – катаракта, но не нашел другой патологии. Боб сказал старику, что ему должна помочь операция, которую можно сделать в Понпеи, после чего зрение скорее всего снова станет хорошим. Старик широко улыбнулся

и обнял Боба. Когда Боб попросил Делиду, которая согласовывала сроки визитов медсестры на Пингелап, внести имя старика в список нуждающихся в глазной операции, Делида заметила, что старику крупно повезло, что он встретил нас. Если бы он к нам не подошел, сказала Делида, то наверняка ему дали бы окончательно ослепнуть. Медицинские услуги на Пингелапе недостаточно доступны: приоритетом пользуются больные, требующие неотложной помощи. Катаракта (как и ахроматопсия) не считается приоритетным заболеванием, а операцию по удалению катаракты вообще считают слишком дорогим вмешательством. Старик, конечно, получит необходимое лечение, но это будет исключением из правила.

На Пингелапе я насчитал пять церквей; все они конгрегациональные. Такое количество церквей в одном месте я не видел с посещения меннонитской общины в провинции Альберта. Здесь, как и там, в церковь ходят почти все. Если же люди не ходят в церковь, то поют церковные гимны и посещают воскресную школу.

Духовное вторжение на остров всерьез началось в середине девятнадцатого века, и к восьмидесятым годам того же столетия все население было обращено в христианство. Но даже теперь, после того как сменились пять поколений и жители Пингелапа всей душой прикипели к христианству, они все же сохранили благоговение и ностальгию по старой религии, которая укоренилась в душах, почве и растительности, истории и географии острова. Идя по лесу, мы вдруг услышали пение, оно было таким чистым и неземным, что у меня снова, в который раз, возникло ощущение, что я нахожусь в зачарованном месте, в каком-то ином мире, на острове духов. Продравшись сквозь густой подлесок, мы вышли на небольшую поляну, где увидели дюжину детишек, певших вместе с учителем церковный гимн под утренним солнцем. Или они пели гимн *утреннему солнцу*? Слова относились к христианству, но вся обстановка, все чувства были пропитаны здешней мифологией и язычеством. Гуляя по острову, мы часто слышали обрывки песнопений, обычно даже не видя певцов, – то были бестелесные хоры и голоса. Они казались невинными, почти ангельскими, но, прислушавшись, мы могли уловить в них какую-то двусмысленную, дразнящую ноту. Если сначала я, слыша эти песнопения, думал об Ариэле, то потом мне в голову пришла мысль о Калибане, и каждый раз, заслышав поющие голоса, которые словно галлюцинация заполняли атмосферу Пингелапа, я всякий раз вспоминал об острове Просперо:

Ты не пугайся, остров полон звуков —
И шелеста, и шепота, и пенья;
Они приятны, нет от них вреда.

Когда антрополог Джейн Херд в 1968–69 годах работала на Понпеи среди пингелапцев, старый нанмварки был еще в состоянии познакомить ее с огромной эпической поэмой, целой устной историей острова. Но со смертью старого короля умерла и большая часть этого знания и памяти²⁵. Нынешний король может передать дух и аромат старых мифов, пересказать их содержание, но он не обладает тем детальным их знанием, каким обладал его дед. Тем не менее, будучи школьным учителем, король не жалеет сил для того, чтобы внушить детям уважение к их наследию и дохристианской культуре, которая когда-то процветала на острове. Король с печалью говорит о прежних днях Пингелапа, когда все знали, кто они, откуда пришли и как образовался их остров. Миф гласит, что некогда Пингелап был единым островом, и господствовал на нем единый бог – Исопау (Исоапаху). Когда с отдаленных островов явился чужой бог и расколол Пингелап надвое, Исопау прогнал чужака прочь, и третий остров образовался из пригоршни песка, который Исопау бросил вслед бежавшему врагу.

Мы были поражены разнообразными верованиями, которые тем не менее мирно уживаются в сознании жителей Пингелапа. Мифическая история острова сосуществует с его светской историей; на маскун одновременно смотрят как на мистическое явление (наказание, постигающее грешников и отступников) и как на обычную наследственную болезнь, передающуюся из поколения в поколение и не имеющую никакого отношения к морали и нравственности. По традиции, возникновение этой болезни связывают с именами короля Окономвауна, правившего с 1822 по 1870 год, и его жены Докас. Из их шестерых детей двое страдали ахроматопсией. Объясняющий этот миф был записан Айрин Момени Хасселс и Ньютоном Муртоном, генетиками из Гавайского университета, работавшими на Пингелапе (вместе с Джейн Херд) в шестидесятые годы:

«Бог Исоапаху влюбился в Докас и велел Окономвауну взять ее в жены. Время от времени Исоапаху принимал облик Окономвауна и входил к Докас, став отцом больных детей, в то время как от самого Окономвауна у Докас рождались нормальные дети. Исоапаху любил и других женщин Пингелапа, и у них тоже рождались страдающие маскуном дети. Доказательством служит тот факт, что люди с ахроматопсией избегают яркого света, но зато хорошо видят в темноте, как их божественный предок».

Были и другие, не менее изобретательные мифы о маскуне; например, маскун мог поразить ребенка, если беременная им мать появлялась на берегу океана в полуденные часы. Свет солнца ослеплял ребенка в ее утробе. Другая легенда гласит, что люди с маскуном происходят от одного из потомков короля Мвахуэле, пережившего тайфун Ленгкиеки. Этот потомок по имени Инек выучился на христианского священника у миссионера мистера Доуна и был назначен последним на службу в Чууке, как пишут Хасселс и Муртон. Но Инек отказался ехать на Чуук, сославшись на то, что у него остается большая семья на Пингелапе. Мистер Доун «сильно разгневался и проклял Инека, настав на него маскун».

На острове также бытует идея о том, что маскун был занесен на Пингелап извне. Нанмварки говорил в этой связи, что многих пингелапцев заставляли работать на немецких разработках фосфатов на острове Науру, а когда эти люди вернулись, у них стали рождаться больные маскуном дети. Миф о заразительности маскуна (как и в случае многих других болезней), связанный с появлением на острове белого человека, получил дополнительное подтверждение в связи с нашим приездом. На Пингелапе впервые увидели больного ахроматопсией, прибывшего издалека, а не местного, и это подтвердило самые мрачные подозрения островитян. Через два дня после нашего приезда новый, пересмотренный миф уже укоренился на острове: ахроматопсией страдали белые китобои, появившиеся на Пингелапе в начале прошлого века. Китобои были выходцами с далекого Севера и болели маскуном. Они насиловали и совращали местных женщин, и те в результате родили детей с ахроматопсией. Так была занесена на остров эта болезнь – проклятье белого человека. Таким образом, пингелапцы с маскуном были отчасти норвежцами, потомками таких людей, как Кнут. Последний был потрясен быстротой, с которой возник этот отнюдь не шуточный миф, объявивший виновником маскуна самого Кнута и его народ.

В последний вечер нашего пребывания на Пингелапе мы стали свидетелями невероятно красивого заката: алый отсвет, переливающийся желтыми и зеленоватыми тонами, заполнил полнеба. Даже Кнут воскликнул: «Невероятно!» и сказал, что никогда прежде не видел таких закатов. Спустившись к морю, мы заметили десятки людей, почти полностью погруженных в воду. Это происходит каждый вечер, сказал нам Джеймс. Люди таким способом хотят хоть немного отдохнуть от невыносимой жары. Оглядевшись, мы увидели множество других людей – они стояли, сидели и лежали, собравшись небольшими группами, и о чем-то говорили. Это был час прохлады, час отдохновения и общения.

Когда стемнело, Кнут и страдающие ахроматопсией островитяне получили возможность легче передвигаться по острову. На Пингелапе все знают, что люди, болеющие маскуном, лучше чувствуют себя в сумеречное время суток – на закате, восходе солнца и при лунном свете. По этой причине ахроматопы на Пингелапе часто занимаются ночной рыбной ловлей, в которой достигли невероятного искусства; кажется, что они видят стаи рыб под водой, улавливая на плавниках отблеск лунного света так же, как люди с нормальным зрением, а может быть, и лучше²⁶.

Наша последняя ночь на Пингелапе идеально подходила для такой рыбалки. Я надеялся, что мы сможем выйти в море на выдолбленном каноэ с противовесом, какие мы уже видели на острове, но вместо этого нам предложили прокатиться на небольшой лодке с подвесным мотором. Стояла теплая безветренная погода. Легкий бриз с моря приятно обвевал лицо прохладой. Когда мы вошли в глубокие воды, береговая линия исчезла из вида, и мы оказались в бескрайнем просторе темного океана и неба, освещенных лишь звездами и широкой полосой Млечного Пути.

Наш кормчий превосходно знал все звезды и созвездия, чувствуя себя на небе как дома. Сравниться с ним в эрудиции мог только Кнут, и они шепотом обменивались своими знаниями – Кнут научными астрономическими, а кормчий – практическими, сродни тому знанию, которое позволило древним микронезийцам и полинезийцам тысячу лет назад преодолеть немислимые пространства Тихого океана. Они ориентировались лишь по звездам в этом исполинском путешествии, сравнимом с космическим перелетом, в конце которого сумели отыскать свою новую родину – разбросанные по океану острова, расстояния между которыми можно сравнить с расстояниями между планетами.

В восемь часов взошла луна, почти полная и такая яркая, что, казалось, она затмила собой звезды. Мы слышали всплеск выпрыгивавших из воды дюжин рыб, которые затем тяжело падали в воду.

Воды Тихого океана буквально кишат простейшими. *Noctiluca*, биолюминесцентное существо, способно генерировать свет, как светлячки. Кнут первым из нас увидел это свечение, которое особенно хорошо заметно в волнах. Когда рыбы выпрыгивают из воды, они поднимают рябь, оставляя за собой светящийся след. То же самое происходит, когда они снова падают в воду²⁷.

В старые времена рыбу по ночам ловили при свете факелов, но теперь для этой цели используют электрические фонари. Их свет ослепляет рыбу и одновременно позволяет ее находить. Когда луч света выхватывал из темноты эти красивые создания, я вспоминал, как будучи ребенком, видел в лондонском небе немецкие самолеты, за которыми охотились лучи прожекторов. Мы же таким способом преследовали рыбу: шли за ней неотступно, то и дело сворачивая с прямого курса, пока не удалось подойти к ней достаточно близко. В этот момент рыбак забросил сеть, подставив ее так, чтобы рыба, падая после прыжка, туда свалилась. Рыбу складывали на дно лодки, и она трепыхалась до тех пор, пока ее не оглушали (правда, одна рыбина сумела выпрыгнуть за борт, прежде чем рыбаки успели ее оглушить). Она вызвала у нас такое восхищение, что никто не попытался снова ее поймать.

За час мы наловили немало рыбы, и теперь настало время охоты на глубоководных рыб. С нами в лодке находились два подростка, один из которых страдал ахроматопсией. Теперь настал их черед. Они надели акваланги, маски и ласты и перепрыгнули через борт, погрузившись в морские воды, взяв ружья для подводной охоты и фонари. Мы видели их в двухстах ярдах от лодки. Они сами выглядели как светящиеся рыбы. Их путь в воде был отмечен фосфоресцирующим следом. Через десять минут они вернулись, нагруженные пойманной рыбой, и забрались в лодку. Черное подводное снаряжение влажно поблескивало в лунном свете.

Долгий неторопливый путь домой прошел мирно и безмятежно. Мы лежали на дне лодки, а рыбаки о чем-то тихо переговаривались. Рыбы они наловили больше чем достаточно. На берегу сейчас зажгут костры, и мы примем участие в грандиозном пиршестве, прежде чем завтра утром на самолете покинем Пингелап и вернемся на Понпеи. Мы подплыли к берегу, вышли из лодки и потащили ее за собой по песку. Пляж стал шире из-за отлива, мокрый песок был полон фосфоресцирующих организмов, и мы, идя по нему, оставляли светящиеся следы.

Понпеи

В тридцатые годы девятнадцатого века, когда Дарвин на корабле «Бигль» исследовал Галапагосские острова и Таити, а молодой Мелвилл грезил Южными морями, ирландский моряк Джон О'Коннелл, потерпев кораблекрушение, застрял на высоком вулканическом острове Понпеи. Обстоятельства его появления на острове неясны. Сам он утверждал, что крушение он потерпел на судне «Джон Буль» у острова Удовольствия, расположенного в восьмистах милях от Понпеи, а затем, что просто невероятно, переплыл за четыре дня в открытой лодке расстояние между этими островами. По прибытии, писал в своих мемуарах О'Коннелл, он и его спутники были захвачены в плен людоедами и едва не были съедены, но спаслись, сумев отвлечь туземцев зажигательной ирландской джигой. Но его приключения на этом не закончились: одна понпейская девушка уговорила его согласиться на татуировку, а потом выяснилось, что она была дочерью местного вождя. О'Коннелл женился на ней и сам стал вождем²⁸.

Независимо от преувеличений (моряки склонны рассказывать небывлицы, а некоторые ученые вообще считают его мифотворцем), рассказы О'Коннелла изобличают в нем любопытного и добросовестного наблюдателя²⁹. Он был первым европейцем, назвавшим остров Понпеи, или Понапе, его туземным именем (сам О'Коннелл так писал это название: Бонаби), также он первым точно и достоверно описал многие понпейские обычаи и ритуалы. Кроме того, он стал первым составителем словаря понпейского языка и первым белым человеком, увидевшим руины Нан-Мадола, остатки монументальной культуры, существовавшей на острове тысячу лет назад, в мифическую эпоху *кейлаху айо* — «другой стороны вчерашнего дня».

Его исследование Нан-Мадола явилось кульминацией и вершиной его понпейских приключений; О'Коннелл описал «величественные руины» в мельчайших деталях — их немислимую, страшную заброшенность и табуированную недоступность. Их размеры, их жуткая немота испугали его, и в какой-то момент, ошеломленный их потусторонней отчужденностью, он внезапно испытал приступ ностальгии. О'Коннелл не упоминает о других мегалитических культурах, которыми буквально нашпигована Микронезия, да, возможно, он и не знал об их существовании — о камнях Тага на Тиниане, древних террасах Палау, пятитонных глыбах Бабелдаоба с высеченными на них ликами, похожими на лики острова Пасхи. Но он понял то, чего не смогли понять ни Кук, ни Бугенвиль, ни один из великих мореплавателей той эпохи — он понял, что эти первобытные океанические острова с их на первый взгляд примитивной пальмовой культурой были некогда местом монументальных цивилизаций.

В Нан-Мадол мы отправились на следующий день после прибытия на Понпеи. Легче всего до руин было добраться на лодке. Не зная, с чем придется столкнуться, мы захватили самое разнообразное снаряжение: штормовые костюмы, акваланги и солнцезащитные приспособления. Медленно двигаясь по воде в лодке с мощным подвесным мотором, мы выбрались из гавани у Колонии и миновали мангровые болота, окаймлявшие остров; в бинокль я успел заметить висящие в воздухе корни, и Робин, наш лодочник, сказал, что в корнях ползают мангровые крабы, считающиеся у местных жителей деликатесом. Выйдя в открытое море, мы набрали скорость, и лодка полетела вперед, оставляя за собой волну, которая, словно огромная стремительная, сверкающая на солнце коса, понеслась к берегу за нашей кормой. Нас охватило чувство восторга, когда мы мчались по морю, едва касаясь его поверхности, словно на гигантских водных лыжах. Боб, большой знаток и любитель катамаранов и

виндсерфинга, как зачарованный смотрел на каноэ, плывшие под пестрыми парусами. Наличие противовеса делало эти лодки абсолютно устойчивыми при любой волне.

– На таком проа, – сказал Боб, – можно пересечь океан.

Через полчаса погода резко изменилась. Мы увидели, как в небе, по направлению к нам, стремительно пронеслось похожее на гигантскую воронку облако. Через несколько секунд показалось еще одно, и очень скоро мы оказались в непроницаемом тумане, а нас стало немилосердно швырять из стороны в сторону. Боб, сохраняя невероятное самообладание, сумел сделать несколько снимков облака, прежде чем оно нас поглотило. Видимость сократилась до нескольких ярдов, и мы перестали понимать, где находимся. Затем, опять абсолютно внезапно, мы выпрыгнули из облака. Ветер прекратился, но зато с неба стеной хлынул тропический ливень. Как ни абсурдно это звучит, но мы достали ярко-красные зонтики, которыми нас снабдили в отеле, и раскрыли их над головами. Теперь мы выглядели не как герои, бросившие вызов шторму, а как отдыхающие на пикнике с картины Сера. Несмотря на то что дождь продолжал лить с прежней силой, на небе появилось солнце, и между ним и морем вспыхнула яркая радуга. Кнут видел ее как сияющую дугу, протянувшуюся над морем, и начал рассказывать нам о других виденных им радугах: двойной радуге, перевернутой радуге и даже о круговой радуге. Слушая его, мы не в первый уже раз убеждались в том, что хотя в некоторых отношениях его мир был обеднен, в других он был таким же богатым и разнообразным, как наш.

На планете нет ничего, напоминающего Нан-Мадол – древнюю мегалитическую постройку из сотни искусственных островов, соединенных бесчисленными каналами. Когда мы приблизились – очень медленно, потому что каналы мелкие и очень узкие, – то увидели детали конструкции стен: огромные шестигранные черные базальтовые брусья, которые были так искусно пригнаны друг к другу, что смогли выдержать натиск моря и бурь, противостоя разрушительному действию времени. Мы бесшумно скользили по воде между островками до тех пор, пока не пристали к острову-крепости Нан-Доувасу, на котором сохранились исполинские базальтовые стены высотой двадцать пять футов, окружавшие погребальный склеп и множество небольших помещений для молитв и медитации.

Засидевшись в лодке, мы с удовольствием выбрались из нее и в молчании остановились под стеной, только теперь осознав, как велики были призматические блоки, из которых она была сложена, – каждый весил не меньше нескольких тонн. Удивительно, как могли их добыть, доставить из Сокекса, отдаленной части Понпеи, где находилась гора, состоявшая из таких базальтовых шестигранников, и точно пригнать друг к другу, сложив эти стены. Ощущение мощи и значимости было очень сильным – мы чувствовали себя ничтожными и подавленными, стоя возле этой стены. Но кроме того, было ощущение безумия, пустой мегаломании, всегда идущей рука об руку с монументальностью – «необузданной громадностью древних представлений о величии» – и требующей непомерной жестокости и страданий. Это сказал нам лодочник Робин. Он поведал нам о злобных правителях династии Сауделеров, которые завоевали Понпеи и правили в Нан-Мадоле много столетий, требуя непосильной дани в виде пищи и подневольного труда. Когда смотришь на стены, зная все это, они приобретают совсем иной, страшный смысл – между камнями, кажется, проступает кровь и боль поколений. Но тем не менее, как в египетских пирамидах и римском Колизее, в них есть что-то благородное.

За пределами Микронезии Нан-Мадол до сих пор практически никому не известен, как и в те времена, когда на него случайно наткнулся О'Коннелл сто шестьдесят лет назад. В начале двадцатого века эти стены исследовали немецкие археологи, но только в последние десятилетия начались настоящие научные исследования. С помощью радиоуглеродного метода было установлено, что люди жили здесь уже за двести лет до новой эры. Сами жители Понпеи, разумеется, всегда знали о Нан-Мадоле. Это знание содержится в мифах и устных

преданиях, но из-за множества запретов и страха перед этим священным местом люди стараются не подходить близко к этой монументальной постройке. Ходят легенды о том, что те, кто посмеет приблизиться к стенам, преждевременно умирают, так как своим появлением наносят оскорбление духам этого места.

Нас охватили поистине непередаваемые ощущения, когда Робин принялся в подробностях описывать этот мертвый город – я почувствовал его дыхание, мне показалось, что город оживает. Здесь была стоянка древних каноэ, сказал Робин, жестом показав это место. Тут лежит огромный камень, о который беременные женщины терлись животами, чтобы облегчить будущие роды. Там – он указал на остров Идехд – ежегодно проводили церемонию искупления. Кульминацией церемонии было принесение черепахи в жертву Нан-Самволу – морскому угрю, бывшему посредником в общении людей с их богом. В той стороне, на Пей-капве, находится магический пруд, глядя в который, правители Сауделеры могли видеть все, что происходило на Понпеи; а там, великий герой Исохкелекель, который в конце концов победил жестоких Сауделеров, увидел в пруду собственное отражение и, потрясенный своим старым безобразным лицом, бросился в воду и утопился (легенда о Нарциссе наоборот!).

Нан-Мадол кажется зловещим и сверхъестественным из-за своей немоты и пустоты. Никто не знает, когда и почему население его покинуло. Рухнула ли бюрократия под собственной тяжестью? Положил ли Исохкелекель конец старому порядку? Вымерло ли население от болезни, мора, климатических изменений или голода? Поднялось ли море и поглотило острова? (Теперь многие острова действительно находятся под водой.) Может быть, какое-то суеверие или древнее проклятие посеяло в народе панику, и он бежал от своих прежних богов? Когда О'Коннелл сто шестьдесят лет назад осматривал это место, оно пустовало уже не менее ста лет. Ощущение прикосновения к тайне падений и взлетов культур и цивилизаций, непредсказуемые повороты их судеб заставили нас задуматься о бренности всего сущего и притихнуть, когда мы собрались в обратный путь³⁰.

Он оказался трудным и даже пугающим, так как было уже темно. Снова пошел дождь, но теперь косой, так как подул сильный ветер. Через несколько минут мы промокли до нитки и дрожали от пронизывающего холода. Плотный промозглый туман окутал нас, пока мы в черепашьем темпе продвигались вперед, опасаясь в любую минуту напороться на риф. После часа пребывания в этом густом, как суп, ослепляющем тумане у нас сильно обострились все чувства, но первым новым звуком уловил Кнут – он услышал барабанный бой, который становился все громче, по мере того как мы, едва ли не на ощупь, приближались к берегу. Острота слуха у Кнута поистине замечательна. Он сам говорит, что это компенсация недостатка зрения. Кнут услышал барабанный бой, когда мы находились на расстоянии полумили от берега – раньше, чем Робин, который ждал появления этого звука и постоянно прислушивался.

Красивый сложный ритмичный звук барабанов, как мы увидели, производили три человека, пивших сакау, устроившись на большом камне у пристани. Мы увидели это, когда выходили на берег. Мне всегда было интересно увидеть и попробовать сакау. Особенно это желание усилилось после того, как Робин на обратном пути расхвалил нам достоинства этого напитка. Он пил сакау каждый вечер, после чего успокаивался и без сновидений спал до утра (по-другому он просто не мог заснуть). В тот вечер Робин пришел к нам в гостиницу вместе с женой и принес бутылку желеобразной сероватой жидкости, которая показалась мне похожей на старое машинное масло. Я опасливо понюхал ее – она пахла отчасти лакрицей, отчасти анисом, а на вкус оказалась очень странной – может быть, потому, что нам пришлось пить ее из стеклянных стаканов. Сакау положено пить из скорлупы кокосовых орехов с соблюдением определенных правил. Мне еще больше захотелось попробовать этот напиток во время традиционной церемонии.

Понпеи стал одним из первых населенных людьми Каролинских островов. Нан-Мадол стал обитаемым намного раньше, чем любой из близлежащих атоллов, да и теперь этот остров с его высокими горами и безопасными террасами служит – во время природных катаклизмов – убежищем для жителей более мелких островков. Атоллы очень малы и хрупки и поэтому легко становятся беззащитными жертвами тайфунов, засухи и голода. Например, Оролук, который когда-то, если верить легендам, был цветущим атоллом до тех пор, пока его едва не смыл в море тайфун. Сейчас площадь этого атолла не превышает трех-пяти квадратных миль³¹. Более того, все эти острова с их ограниченными ресурсами и малыми размерами рано или поздно сталкиваются с мальтузианской проблемой перенаселения, которое привело бы к катастрофе, если бы не возможность эмиграции. По всему Тихому океану, как заметил уже О'Коннелл, островитяне часто бывают вынуждены эмигрировать. Они снаряжают каноэ, как делали их предки на протяжении столетий, и пускаются в путь, не зная, что найдут и куда приведет их судьба. Однако они всегда надеются найти новый остров, на котором удастся поселиться³².

Правда, население атоллов – сателлитов Понпеи – может в подобных ситуациях найти убежище в «метрополии». Так, в Колонии, столице Понпеи, возникли анклавные беженцев с других островов – Сапвуахфика, Мвоакила, Оролука и даже атолла Мортлок, которые принадлежат другому штату – Чууку. На Понпеи есть и два анклава беженцев с Пингелапа – один в провинции Сокехс, другой в Колонии. Первый анклав возник после опустошительного тайфуна 1905 года, а затем увеличился в результате последующей эмиграции. В пятидесятые годы была еще одна волна эмиграции с Пингелапа, на этот раз вызванная значительным перенаселением. Новый анклав был образован шестьюстами пингелапцами в горной долине Манд. Теперь в этой деревне живут две тысячи человек – втрое больше, чем на самом Пингелапе.

Манд изолирован от остальной территории Понпеи географически, но в еще большей степени этнически и культурно. В течение сорока лет, прошедших после переселения, пришельцы и их потомки избегали всяческих контактов, а тем более браков, с чужаками. В результате возник, так сказать, остров на острове, население которого столь же однородно этнически и культурно, как и на Пингелапе, причем маскун здесь распространен еще больше.

Дорога к долине Манд очень трудна – нам пришлось ехать туда на джипе, причем машина часто двигалась со скоростью пешехода, и дорога заняла больше двух часов. В предместьях Колонии мы еще видели дома и бары сакау, крытые листьями, но, по мере подъема в гору, все признаки человеческого жилья исчезли. Грунтовая дорога, проходимая только для пешеходов и джипов, ответвилась от главной дороги и круто забрала в гору, непосредственно к пингелапской деревне. На высоте температура воздуха упала, а влажность уменьшилась, это было настоящее блаженство после изнуряющей жары низины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.